

Уилки
КОЛЛИНЗ

Отель
с привидениями

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Всемирная литература

Уильям Уилки Коллинз
Отель с привидениями

«ЭКСМО»

1878, 1855, 1885

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Коллинз У.

Отель с привидениями / У. Коллинз — «Эксмо», 1878, 1855,
1885 — (Всемирная литература)

ISBN 978-5-04-170605-0

От автора знаменитых произведений «Лунный камень» и «Женщина в белом» ещё один захватывающий роман викторианской эпохи — «Отель с привидениями: Тайна современной Венеции». Английский писатель Уильям Уилки Коллинз (1824—1889) по праву считается основоположником так называемого «сенсационного романа», впоследствии разделившегося на приключенческий и детективный жанры. Коллинз — признанный мастер интриги и увлекательного сюжета. Умелое сочетание в одном произведении таинственного, детективного, нравоописательного и романтического — залог небывалого читательского успеха его романов и рассказов. Графиня Нарона выходит замуж за лорда Монтрабрри, жениха Агнес Локвуд, и увозит его в путешествие, которое заканчивается в старинном палаццо Венеции. Странные вещи происходят в этом особняке, исчезновение, смерть... Проходит немного времени, и захудалое палаццо превращается в фешенебельный отель. Но нет покоя в этом месте, что-то сводит с ума постояльцев отеля. Погрузитесь в атмосферу страшных тайн, попробуйте провести ночь в номере 14 лучшего отеля Венеции, если осмелитесь! В сборник вошли повести и рассказы Коллинза, также наполненные мистикой и элементами детектива.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-170605-0

© Коллинз У., 1878, 1855, 1885

© Эксмо, 1878, 1855, 1885

Содержание

Отель с привидениями	7
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Часть вторая	21
Глава 1	21
Глава 2	25
Глава 3	28
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	38
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Уилки Коллинз

Отель с привидениями

- © Харитонов В., перевод на русский язык. Наследники, 2022
- © Брилова Л., перевод на русский язык, 2022
- © Воронин В., перевод на русский язык. Наследник, 2022
- © Кулагина-Ярцева В., перевод на русский язык, 2022
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Отель с привидениями

Тайна современной Венеции

Часть первая

Глава 1

В 1860 году из лондонских врачей известнейшим был доктор Уайбрау. Надежная молва приписывала ему едва ли не богатейший доход, доставляемый в наши дни медицинской практикой.

Однажды днем, уже к концу лондонского сезона¹, после особенно трудного утреннего приема, имея еще изрядное число домашних визитов на остаток дня, доктор только-только покончил с ланчем, как лакей объявил, что с ним желает говорить дама.

– Кто она? – спросил доктор. – Пациентка?

– Да, сэр.

– Для пациентов есть приемные часы. Скажите ей, когда приходить.

– Я говорил, сэр.

– И что же?

– Она не уходит.

– Не уходит? – с улыбкой повторил доктор. Он был не без чувства юмора, и нелепость ситуации развлекла его. – Эта настойчивая дама назвала себя? – спросил он.

– Нет, сэр. Она отказалась назваться, сказала, что не отнимет у вас и пяти минут, а дело чрезвычайно важное и до завтра не терпит. Она в приемной, и как выдворить ее оттуда, я не представляю.

Доктор Уайбрау с минуту размышлял. Более чем тридцатилетний богатый опыт дал ему знание женщин (профессиональное, разумеется), он перевидал их всякого рода – особенно же ту их породу, что не считается со временем и не преминет воспользоваться привилегиями своего пола. Взгляд на часы подтвердил, что ему пора начинать визиты к домашним больным. В сложившихся обстоятельствах оставался один-единственный выход. Ему оставалось, коротко говоря, одно – бежать.

– Экипаж у калитки? – спросил он.

– Да, сэр.

– Отлично. Без малейшего шума откройте парадное, а дама пусть себе остается в приемной. Когда она утомится ожиданием, скажите ей все как есть. Если она спросит, когда я возвращаюсь, скажите, что я обедаю в клубе, а вечером иду в театр. С богом, Томас. И тише! Если вы скрипнете сапогами, я погиб.

Он неслышно направился в переднюю, лакей шел за ним на цыпочках.

То ли дама в приемной что-то заподозрила, то ли скрипнули сапоги Томаса, а слух у нее оказался острый, только именно так оно все и случилось: в ту самую минуту, когда доктор Уайбрау миновал приемную, дверь отворилась, на пороге встала дама и ухватила его за руку.

– Умоляю вас, сэр, не уходите, прежде не выслушав меня.

У нее был иностранный выговор, низкий и твердый голос.

Ее пальцы мягко и при этом решительно сжимали его руку.

¹ Светский сезон (май – июль) в Лондоне.

Ни ее слова, ни цепкая хватка не заставили бы его выполнить эту просьбу. Его вынудило остановиться безмолвно говорящее лицо. Он был буквально оглушен кричащим несоответствием его мертвенной бледности – свету и жизни в стальном сверкании ее больших черных глаз. Она была одета в темное с отменным вкусом; среднего роста и, судя по всему, средних лет – что-нибудь тридцать с небольшим. Такие точеные черты, красиво очерченный нос, губы и подбородок чаще достаются иностранкам, нежели уроженкам Англии. Безусловно, красивая женщина, когда бы не эта ее смертельная бледность и не столь заметная жесткость взгляда. Первоначально поразившись ее внешности, доктор теперь, можно сказать, сгорал от профессионального любопытства. Другого такого случая, может статься, никогда не представится в его практике. «Похоже, так оно и есть, – думал он. – На это не жалко времени».

Сознавая, что произвела на него сильное впечатление, дама отпустила его руку.

– В свое время вы утешили многих страдалец, – сказала она. – Утешьте еще одну.

Не ожидая ответа, она вернулась в комнату.

Доктор вошел за ней и затворил дверь. Он усадил ее в кресло для пациентов, против окна. В тот летний день даже лондонское солнце ослепительно светило. Ее затопил сверкающий поток. Пронзительные, орлиные глаза даже не моргнули. По гладкому, без единой морщинки, лицу пугающе разливалась матовая бледность. У доктора впервые, сколько он себя помнил, зачастило сердце в присутствии пациента.

Но странно: завладев его вниманием, она, похоже, ничего не могла ему сказать. Эту решительную женщину словно охватила непонятная апатия. Вынужденный заговорить первым, доктор заурядным образом спросил, чем может ей помочь.

Звук его голоса, казалось, пробудил ее. По-прежнему не моргая от света, она отрывисто сказала:

– Я задам вам трудный вопрос.

– Какой же?

Ее взгляд, медленно двигаясь, остановился на его лице. Внешне ничем не выдавая волнения, она облекла «трудный вопрос» в довольно необычные слова:

– Умоляю вас, мне нужно знать, не грозит ли мне опасность сойти с ума.

Кого-то, возможно, позабавят эти слова, кого-то встревожат. Доктор же Уайбрау ощутил лишь досаду. Тот ли это редкий случай, каким он представился ему при первом беглом взгляде? Не ипохондрик ли она, эта его новая пациентка, чье заболевание сводится к расстройственному желудку, а все несчастья от недалекого ума?

– Почему вы пришли ко мне? – спросил он ее резко. – Почему бы не посоветоваться с врачом, который специализируется на душевных заболеваниях?

У нее был наготове ответ.

– Я не пойду к такому врачу, – сказала она, – именно по этой причине: он специалист, у него губительная привычка все разложить по полочкам, которые он сам же выстроил. Я пришла к вам, потому что мой случай не годится ни для какой полочки. Вы известны в своих кругах разгадками таинственных заболеваний. Вы удовлетворены?

Он был более чем удовлетворен: в конце концов, его первая мысль оказалась правильной. Кроме того, она была верно осведомлена о его положении в медицинском мире.

Именно способность – и в этом ему не было равных – выявить признаки надвигающегося заболевания доставила ему славу и богатство.

– Я в вашем распоряжении, – ответил он. – Попробуем выяснить, что с вами происходит.

Он задал ей необходимые вопросы, на которые она отвечала быстро и четко, и вынужден был заключить, что душевно и физически эта странная дама пребывала в полном здравии. Не удовлетворившись вопросами, он ее внимательно прослушал, простучал. Нет, ни осмотр, ни стетоскоп не обнаружили ничего тревожного. С замечательным терпением и внимательностью, отличавшими его еще в студенческие годы, он продолжал всесторонне обследовать ее. Резуль-

тат оставался прежним. Не говоря уже о мозговых нарушениях, даже нервного расстройства не обнаружилось и следа.

– Я ничего у вас не нахожу, – сказал он. – Я даже не могу объяснить причины вашей необычайной бледности. Вы ставите меня в тупик.

– Бледность – это пустое, – ответила она с некоторым нетерпением. – В молодости я едва не умерла от отравления. С тех пор у меня этот цвет лица и такая чувствительная кожа, что от румян высыпает безобразная сыпь. Но это неважно. Я хотела, чтобы вы определенно высказали свое мнение. Я верила в вас, а вы меня разочаровали. – Она уронила голову на грудь. – Это конец, – горько вымолвила она.

Доктора кольнула жалость. А может, укол почувствовало его профессиональное достоинство?

– Все еще может кончиться хорошо, если вы решитесь помочь мне.

Она вскинула на него загоревшиеся глаза.

– Скажите откровенно, – проговорила она, – как я могу вам помочь?

– Если откровенно, мадам, вы для меня загадка. И вы предоставляете мне искать разгадку средствами моего искусства, не подавая никакой помощи. Мое искусство может многое, но не все. Наверняка что-то произошло, отчего вы встревожились, причем это не имело никакого отношения к вашему физическому состоянию. Иначе бы вы не пришли ко мне. Я не прав?

Она сжала руки на коленях.

– Вы правы! – жарко выдохнула она. – Я снова начинаю в вас верить.

– Отлично. Вы не можете рассчитывать на то, что я раскрою духовную природу вашей тревоги. Я могу только засвидетельствовать, что ее физические причины отсутствуют. Но должен вам сказать, что, если вы мне не доверитесь, ничего больше я сделать не смогу.

Она встала и прошлась по комнате.

– Допустим, я расскажу, – сказала она. – Но имейте в виду: я не назову никаких имен!

– Нет никакой нужды называть имена. Мне нужны только факты.

– Факты – это пустое, – возразила она. – Я могу поведать вам лишь свои ощущения, после чего вы, скорее всего, сочтете меня фантазеркой. Что поделать? Постараюсь вам угодить: вот вам ваши факты. И право слово, они не очень помогут вам.

Она снова села и, насколько это возможно сделать простыми человеческими словами, обрушила на доктора удивительную, дикую исповедь – ничего подобного ему не доводилось слышать.

Глава 2

– Во-первых, сэръ, я вдова. А во-вторых, я выхожу замуж.

Она умолкла и улыбнулась своим мыслям. Доктора Уайбрау покорила эта улыбка, в ней было что-то одновременно грустное и жестокое: она медленно раздвинула ее губы и тут же погасла. Он снова засомневался, правильно ли поступил, поддавшись первому впечатлению. Его мысли не без грусти вернулись к заждавшимся его заурядным больным с их простыми болячками.

Дама между тем продолжала:

– В мой предстоящий брак, – сказала она, – вмешивается одно обстоятельство. Дженгльмен, чьей женой я стану, уже был помолвлен, когда случайно встретил меня за границей; причем эта дама доводится ему родней, она его кузина. Не ведая того, я отняла у нее возлюбленного и поломала жизнь. Я говорю «неведомо для себя», поскольку он мне сказал о помолвке после того, как я приняла его предложение. Когда мы уже потом встретились в Англии и, разумеется, возникла опасность, что я узнаю о ней, – тогда он и сказал мне правду. Само собой, я вознегодовала. У него было наготове оправдание: он показал мне собственноручное письмо

этой дамы, в котором она расторгала помолвку. В жизни не приходилось мне читать более благородного, более великодушного письма. Я рыдала над ним, хотя не умею оплакать и собственные невзгоды. Будь в нем хоть малейшая надежда на прощение, я бы определенно отказала. Но твердость – причем без капли гнева, без слова упрека, даже с искренними пожеланиями счастья, – эта вот твердость, говорю я, не оставляла никакой надежды. Я оказалась мягкосердечной, я сказала: «Хорошо, я согласна». И через неделю (я не могу без содрогания думать об этом) мы поженимся.

Она точно содрогнулась и вынуждена была прерваться, собраться с силами, прежде чем смогла продолжать. Не получая никаких фактов, доктор испугался, что его ждет долгий рассказ.

– Извините за напоминание, но меня ждут больные люди, – сказал он. – Чем скорее вы заговорите по существу, тем лучше будет для них и для меня.

Снова на ее губы набежала эта странная улыбка – сразу грустная и жестокая.

– Все, что я говорю, я говорю по существу, – ответила она. – Вы убедитесь в этом через минуту... – Она продолжала свою историю: – Вчера – не бойтесь, я не буду углубляться в прошлое дальше вчерашнего дня, – вчера я была приглашена на ваш английский ланч. Некая дама, совершенно незнакомая мне, пришла с опозданием, когда мы уже встали из-за стола, и сразу прошла в гостиную. Случилось так, что она села рядом со мной. Нас представили. Заочно мы знали друг друга. То была женщина, у которой я похитила возлюбленного, та самая женщина, что написала такое благородное письмо. Теперь извольте слушать! Вы досадовали, не находя ничего интересного для себя в моих словах, а я говорила это все для того, чтобы вы поняли: у меня не было неприязненных чувств к этой даме. Я восхищалась ею, сочувствовала ей – мне не в чем упрекнуть себя. Это очень важно, как вы сейчас убедитесь. Что касается ее, то я полагала, что ей изложили все обстоятельства и она понимает: я никоим образом не заслуживаю упрека. Так вот, после этого необходимого уведомления объясните мне, если можете, почему, поднявшись с кресла и встретив взгляд этой женщины, я похолодела с головы до пят, почему меня бросило в дрожь, почему я впервые в жизни извела смертельный страх.

Доктор наконец проявил интерес к рассказу.

– Может быть, вас чем-нибудь поразила внешность этой дамы? – спросил он.

– Абсолютно ничем! – бурно возразила та. – Вот вам ее портрет. Самая обычная англичанка: ясные, холодные голубые глаза, слабым румянцем подернутое лицо, безразлично-вежливый вид, крупные, мягкие губы и довольно полные щеки и подбородок – только и всего, ничего особенного.

– Так, может, когда вы взглянули на нее, вас поразило что-нибудь в выражении ее лица?

– Она с понятным любопытством смотрела на женщину, которую предпочли ей, и еще, возможно, дивясь тому, что эта женщина не блещет красотой и обаянием; эти оба чувства отражались на ее лице, сколько позволяли приличия – не больше нескольких секунд, – пока я вообще что-то видела. Я говорю «пока», поскольку мучительное волнение, которое она мне внушила, помutilо мое сознание. Если бы я добралась до двери, я бы бежала из этой комнаты – так она меня напугала. Но я даже стоять не могла – я просто упала в кресло. Я в ужасе глядела в эти спокойные голубые глаза, взиравшие на меня с тихим изумлением. Сказать, что они меня гипнотизировали, – значит ничего не сказать. Это глядела ее душа и видела меня насквозь без всякого усилия с ее стороны. Я передаю вам свое впечатление – со всем ужасом и безумием, какие там были. Эта женщина, хотя сама она о том и не ведает, назначена быть моим злым гением. Ее невинный взгляд высмотрел во мне ростки зла, о которых я не подозревала, и я чувствовала, как под этим взглядом они воспрянули. Если я в будущем наделаю ошибок, если даже совершу преступление, она покарает меня, причем не по собственной даже воле – в этом я твердо убеждена. В одну минуту я все это поняла – и, очевидно, это сказалось на моем лице. Эта добрая, бесхитростная душа даже встревожилась за меня: «Боюсь, вам в этой

комнате слишком жарко. Вот понюхайте соль». Я еще слышала ее добрый совет, но потом уже ничего не помню – потеряла сознание. Когда я пришла в чувство, все гости уже разошлись, со мной оставалась только хозяйка дома. С минуту я ничего не могла ей сказать, то ужасное чувство, которое я пыталась описать, вернулось ко мне вместе с сознанием. Обретя речь, я умоляла ее рассказать мне всю правду об этой женщине, чье место я заняла. Понимаете, во мне теплилась надежда, что она, быть может, не заслуживает своей доброй славы, что в том благородном письме она искусно лицемерила, что, короче говоря, она втайне ненавидела меня и ей хватило ума скрыть это. Но нет! Хозяйка сизмала знала ее, они были между собой как сестры, и своей добротой, невинностью и неспособностью кого-либо ненавидеть та равнялась с самыми великими святыми. Так рухнула последняя надежда – моя надежда на то, что я испытала всего-навсего чувство опасности перед лицом врага. Но оставалась еще одна попытка, и я ее предприняла. Я отправилась к человеку, за которого выхожу замуж. Я умоляла его вернуть мне мое согласие. Он отказал. Я заявила, что сама расстрою нашу помолвку. Он показал мне письма от своих сестер, братьев, близких друзей: те заклинали его подумать еще раз, прежде чем жениться на мне; все передавали слухи, ходившие обо мне в Париже, Вене и Лондоне, а в них одна гнусная ложь.

«Если вы откажетесь выходить за меня замуж, – сказал он, – вы признаете правдивость этих слухов, признаете, что боитесь предстать перед обществом в качестве моей жены».

Что я могла ответить на это? Возразить было нечего – он был совершенно прав: упорствуй я в своем отказе – и результатом станет полное крушение моей репутации. Я согласилась на венчание, как было договорено, и ушла. Прошла ночь, и я пришла к вам с окрепшим убеждением: этой невинной женщине суждено сыграть роковую роль в моей жизни. Я пришла к вам с одним-единственным вопросом, и вы единственный человек, который может на него ответить. Спрашиваю вас последний раз, сэр: кто я – демон, видевший ангела-мстителя, или всего-навсего жалкая жертва повредившегося рассудка?

Доктор встал, полный решимости прекратить беседу.

Услышанное произвело на него сильное и тягостное впечатление. Чем дольше он слушал ее, тем больше крепло в нем убеждение в порочности этой женщины. Напрасно пытался он увидеть в ней человека, заслуживающего сострадания, человека с болезненно впечатлительным воображением, сознающего готовность к злу, которая таится и в наших душах, и честно старающегося открыть свое сердце и искупить вину благим порывом. Переломить себя он не смог. Какое-то упрямое чувство удерживало его только что не словами: «Остерегитесь довериться ей!»

– Я уже высказал вам свое мнение, – сказал он. – Медицина, насколько я могу судить, не видит признаков расстройства вашего рассудка или угрозы такового. А что до впечатлений, о которых вы поведали, могу только сказать, что это тот редкий случай, когда, смею думать, требуется скорее духовная помощь, нежели медицинская. В одном можете быть уверены: все, что вы сказали мне в этой комнате, не выйдет за ее стены. Ваша исповедь будет сохранена в тайне.

С какой-то обреченной покорностью она выслушала его до конца.

– Это все? – спросила она.

– Это все, – ответил он.

Она положила на стол маленький конверт с деньгами.

– Благодарю вас, сэр. Вот ваш гонорар.

С этими словами она поднялась. Ее устремленные вверх безумные темные глаза выражали столько отчаяния и невысказанной муки, что доктор отвернулся, не в силах вынести это зрелище. Его покорила сама мысль – взять у нее что-либо, до чего она коснулась, не говоря уже о деньгах. По-прежнему не глядя на нее, он сказал:

– Заберите, мне не нужен гонорар.

Она либо пропустила его слова мимо ушей, либо просто не слышала. Все так же не опуская глаз, она медленно выговорила:

– Пусть приходит конец. Я перестаю бороться, я смиряюсь.

Она опустила вуаль, кивнула доктору и вышла из комнаты.

Он позвонил и последовал за ней в переднюю. Когда слуга закрыл дверь, доктора вдруг охватило любопытство, недостойное его и тем не менее совершенно неодолимое. Покраснев как мальчик, он сказал слуге:

– Следуйте за ней до дома и выясните ее имя.

Тот с минуту смотрел на хозяина, не веря своим ушам. Доктор Уайбрау молча обменялся с ним взглядом. Зная цену этому молчанию, послушный слуга взял шляпу и поспешил на улицу.

Доктор вернулся в приемную. У него резко переменялось настроение. Не оставила ли эта женщина заразу, которую он подхватил? Какой бес обуял его, что он уронил себя в глазах собственного слуги? Он вел себя позорно – он сделал шпионом человека, столько лет беспорочно служившего ему. Одна эта мысль причиняла ему мучительную боль. Он выбежал в переднюю, открыл дверь. Слуги уже не было видно, и звать его было поздно. Оставалось одно утешение – работа. Он сел в экипаж и отправился объезжать своих больных.

Если когда и мог знаменитый целитель поколебать свою репутацию, так это в тот самый день. Никогда еще не был он так сух с больными. Никогда еще не откладывал на завтра то, что следовало сделать сегодня: выписать рецепт, дать свое заключение. Донельзя недовольный собой, он вернулся домой раньше обычного.

Слуга воротился еще раньше. Доктору Уайбрау было совестно спрашивать его. Не ожидая вопроса, слуга сам отчитался в своей миссии:

– Имя дамы – графиня Нарона. Она живет...

Не желая слышать адрес, доктор кивком подтвердил важность открывшегося имени и прошел в приемную. Гонорар, который он не смог вернуть, так и лежал на столе в белом конвертике. Он переложил его в большой конверт, запечатал, написал на нем «В пользу бедных» и адрес ближайшего полицейского суда, потом позвал слугу и велел ему утром же передать это судье. Не забывавший своих обязанностей слуга, помедлив, задал обычный вопрос:

– Обедать будете дома, сэр?

Поколебавшись, тот сказал:

– Нет, я обедаю в клубе.

Самой покладистой моральной категорией является так называемая совесть. В одном душевном состоянии совесть строго судит человека, выносит ему приговор; в другом же они прекрасно договариваются между собой, поделив ответственность. Когда доктор Уайбрау вторично уходил из дома в тот день, он даже не пытался скрыть от себя, что решил обедать в клубе с единственной целью: послушать, что говорят в свете о графине Нароне.

Глава 3

В былые времена, желая развлечь себя сплетнями, мужчина шел в дамское общество. Сейчас он поступает умнее. Он идет в курительную комнату своего клуба.

Доктор Уайбрау раскурил сигару и огляделся вокруг. Весь светский конклав собрался. В комнате было достаточно народу, однако общий разговор не клеился. Сам того не ожидая, доктор внес требуемое оживление. Когда он поинтересовался, не знает ли кто графиню Нарону, ответом ему был едва ли не общий вопль изумления.

– Такой странный вопрос, – заключил конклав, – здесь еще не звучал. Всякий мало-мальски светский человек знает графиню Нарону.

Авантюристка, оставившая по себе в Европе самую худую славу, – так они все аттестовали его гостью с мертвенным цветом лица и сверкающими глазами.

Переходя к подробностям, каждый внес свою лепту в скандальную биографию графини. Было сомнительно, та ли она, за кого себя выдает, то есть уроженка Далмации. Сомнительно, была ли она замужем за графом, чьей вдовой она себя объявляет. Сомнительно, точно ли братом доводится ей ее спутник в путешествиях, называющий себя бароном Риваром. Молва называла барона завсегдатаем всех карточных столов на континенте. Молва нашептывала, что в Вене его так называемая сестра едва не оказалась замешанной в громком деле об отравлении; что в Милане ее знали как австрийскую шпионку; что в ее парижских апартаментах полиция раскрыла частный игорный дом; что нынешнее ее появление в Англии было следствием этого разоблачения. И только один из собравшихся в курительной комнате вступился за поруганную даму, заявив, что о ней судят чересчур строго и несправедливо. Но человек этот был адвокатом, и его вмешательство ни к чему не привело: нашли, что в нем говорит дух противоречия, вообще свойственный людям этой профессии. Его язвительно спросили, как он находит обстоятельства помолвки графини, и он характерно ответил, что эти обстоятельства делают честь обеим сторонам и что, по его мнению, у будущего супруга завидный жребий.

Выслушав все это, доктор исторгнул долгий вопль изумления, поинтересовавшись именем джентльмена, за которого графиня готовится выйти замуж.

Курящие собратья единодушно признали, что знаменитый доктор не кто иной, как второй Рип Ван Винкль², и что он только сейчас пробудился от своего фантастического двадцатилетнего сна. Похвально, конечно, что человек весь ушел в свою профессию и у него нет ни времени, ни желания ловить обрывки сплетен за обеденными столами и на балах. Но когда человек не знает, что графиня Нарона заняла в Гомбурге³ деньги не у кого иного, как у лорда Монтбарри, а потом обманно вынудила предложение руки и сердца, такой человек, может статься, никогда не слышал и о самом лорде Монтбарри. Тут развеселившаяся клубная молодежь послала лакея за «Книгой пэров» и зачитала, к вящей пользе доктора, заметку об упоминутым аристократе, перемежая чтение дополнительной информацией от себя:

– «Герберт Джон Уэствик. Первый барон Монтбарри, из Монтбарри в Королевском графстве Ирландия. Возведен в звание пэра за отличную военную службу в Индии. Родился в 1812 году». Сейчас, значит, доктор, ему сорок восемь лет. «Не женат». Через неделю доктор женится на прелестнице, о которой мы говорили. «Предполагаемый наследник, второй брат его светлости, – Стивен Роберт; женат на Элле, младшей дочери преподобного Сайласа Мардена, ректора Раннигейта, имеет трех дочерей. Младшие братья его светлости, Фрэнсис и Генри, не женаты. Сестры его светлости: леди Барвилл замужем за сэром Теодором Барвиллом, бароном; и Анна, вдова Питера Норбери, эсквайра из Норбери Кросс». Хорошо запомните родственников лорда, доктор. Три брата: Стивен, Фрэнсис и Генри Уэствики – и две сестры: леди Барвилл и миссис Норбери. Все пятеро будут отсутствовать на венчании, все пятеро делают все возможное, чтобы его предотвратить, если графиня допустит хоть малейшую оплошность... Добавьте к этим враждебным членам клана еще одну оскорбленную родственницу, в «Книге», правда, не упомянутую молодую леди.

Поднявшийся возмущенный ропот пресек дальнейшие разоблачения:

– Не упоминайте несчастную, тут негоже глумиться. В бесчестье она повела себя благородно. Только одно может извинить Монтбарри: либо он безумец, либо дурак.

В таких словах высказалось единодушное возмущение. Посекретничав с соседом, доктор выяснил, что речь шла об известной ему (по исповеди графини) даме, которую оставил лорд Монтбарри. Звали ее Агнес Локвуд. Судя по рассказу, она была много привлекательнее

² Герой одноименной новеллы В. Ирвинга, проспавший Войну за независимость и образование Американской республики.

³ Курортный город с игорными домами в прусской провинции Гессен-Нассау.

графини и несколькими годами моложе ее. Притом что мужчины каждый божий день творят глупости из-за женщин, чудовищное ослепление Монтбарри далеко превосходило все известное. В этом пункте сошлись все, включая адвоката. Ни одному не припомнились бесчисленные примеры, когда даже не притязавшие на красоту женщины пробуждали необоримое вожделение; и те самые члены клуба, которых графиня, при всех ее несовершенствах, очаровала бы без труда, задайся она этой целью, – они же больше всех поражались выбору Монтбарри.

Замужество графини еще всецело владело общим разговором, когда в курительную вошел член клуба, с чьим появлением воцарилась мертвая тишина. Сосед доктора Уайбрау шепнул:

– Брат Монтбарри – Генри Уэствик.

Горько усмехнувшись, вошедший обвел взглядом собрание.

– Вы говорите о моем брате, – сказал он. – Не обращайтесь на меня внимания. Никто не презирает его больше меня. Продолжайте, джентльмены, продолжайте.

Лишь один из присутствующих поймал его на слове – заступник графини.

– Я остаюсь в одиночестве, – сказал он, – однако мне не стыдно повторить мое мнение в чьем бы то ни было присутствии. Я считаю, что с графиней Нароной обходятся жестоко. Отчего ей не стать женой лорда Монтбарри? Кто решится сказать, что в этом браке ею движут корыстные расчеты?

Брат Монтбарри резко повернулся к говорившему.

– Я осмелюсь утверждать это, – ответил он.

Такой ответ мог сбить любого. Адвокат даже не дрогнул.

– А я уверен в своей правоте, – возразил он, – и утверждаю, что доход его светлости только-только поддерживает его положение; далее, что этот доход почти целиком извлекается из недвижимости в Ирландии, каковая вся до последнего акра есть неотчуждаемая собственность.

Брат Монтбарри сделал знак, что покуда у него нет возражений.

– Если его светлость умрет первым, – продолжал адвокат, – по моим сведениям, единственное содержание, которое он оставит своей вдове, будет арендное содержание собственности, а это не более четырех сотен в год. Пенсия и выплаты, естественно, прекратятся с его смертью. Поэтому все, что достанется графине, – это четыреста фунтов в год, если он оставит ее вдовой.

– Четыреста фунтов не все, что он оставит, – последовал ответ. – Мой брат застраховал свою жизнь на десять тысяч фунтов, всю эту сумму в случае своей смерти он завещал графине.

Это заявление произвело сильное действие. Все переглядывались, повторяя поразительные слова «десять тысяч фунтов». Прижатый к стене, адвокат предпринял последнюю попытку удержаться на своей позиции.

– Могу я спросить, кто включил это соглашение в брачный контракт? – спросил он. – Уж, верно, не сама графиня?

– Брат графини, – ответил Генри Уэствик, – а это одно и то же.

Сказать больше было нечего – во всяком случае, в присутствии брата лорда Монтбарри. Разговор перешел на другие темы, и доктор отправился домой.

Однако нездоровое его любопытство в отношении графини все еще не было утолено. На досуге он нет-нет и раздумывал о том, удастся ли семейству лорда Монтбарри в конце концов расстроить этот брак. Больше того, его разбирало желание увидеть этого потерявшего голову человека. В немногое оставшееся до венчания время он каждый день заходил в клуб, рассчитывая услышать что-нибудь новое. Но все оставалось по-прежнему, насколько это было известно в клубе. Положение графини было прочным; решение Монтбарри сделаться ее супругом нисколько не колебалось. Они оба были католиками, поэтому венчаться им предстояло в капелле на Испанской площади. Вот, собственно говоря, и все, что узнал доктор.

В день бракосочетания, немного поборовшись с собой, он таки пожертвовал своими больными и гинеями и тайком отправился посмотреть венчание. До самого последнего дня он будет гневаться на всякого, кто напомнит ему об этом приключении.

Венчание носило сугубо приватный характер. Перед церковными дверьми стоял закрытый экипаж; внутри здания различалось несколько фигур, в основном простой люд, большинство пожилые женщины. Доктор Уайбрау узнал некоторых своих клубных собратьев, как и он привлеченных сюда любопытством. У алтаря стояли четверо: жених, невеста и двое свидетелей – пожилая женщина, возможно компаньонка или горничная графини, и, несомненно, ее брат, барон Ривар. Гости со стороны невесты, как и сама невеста, были в обычном выходном платье. В отношении внешности лорд Монтбарри был типичный военный средних лет: ни лицом, ни фигурой он не выделялся. И барон Ривар, со своей стороны, тоже являл собой распространенный и хорошо известный тип. Эти колючие усы, нагловатый взгляд, завитую шевелюру, молодцеватую посадку головы сотни раз встретишь на парижских бульварах. Единственной его примечательной чертой было то, что он нимало не походил на свою сестру. И священник, совершавший обряд, был безобидный, угодливый старикашка, кое-как отправлявший свою службу и с трудом опускавшийся на ревматические колени. Единственно, кто привлек к себе внимание, была сама графиня, но она подняла вуаль только с началом службы, а в скромном ее платье и разглядывать было нечего. Трудно себе представить более скучное и менее романтическое венчание. Время от времени доктор оглядывался на двери, глядел на хоры, смутно ожидая появления какого-нибудь протестующего незнакомца, владевшего страшной тайной и посланного прекратить этот обряд. Но ничего подобного не происходило – ничего из ряда вон выходящего, ничего драматического. Объявленные мужем и женой, те двое ушли в сопровождении своих свидетелей расписываться в приходской книге. А доктор Уайбрау все ждал, он еще упорно надеялся на то, что должно же произойти нечто, заслуживающее внимания.

Новобрачные вышли и рука об руку направились из церкви. При их приближении доктор Уайбрау отступил назад, но графиня, к его смущению, высмотрела его. Он услышал, как она сказала мужу:

– Одну минуту, я вижу своего друга.

Монтбарри кивнул и остановился.

Она подошла к доктору, взяла его за руку и сильно сжала ее. Он сквозь вуаль почувствовал нестерпимый взгляд ее темных глаз.

– Видите, еще один шаг на пути к концу! – Прошептав эти странные слова, она вернулась к мужу.

Доктор еще собирался с мыслями, когда лорд и леди Монтбарри сели в свой экипаж и уехали.

Снаружи, перед дверьми церкви, стояли три-четыре члена клуба, как и доктор Уайбрау наблюдавшие церемонию из любопытства. Рядом с ними в одиночестве стоял брат невесты. Очевидно, ему хотелось на свету разглядеть человека, с которым разговаривала его сестра. Его нагловатые глаза с подозрением ощупали лицо доктора. Но вот облачко развеялось, барон с очаровательной любезностью улыбнулся, поднял шляпу, приветствуя сестриного друга, и ушел.

На ступенях церкви составился клубный конклав. Начали с барона:

– Чертовски мерзкий вид у этого афериста!

Потом досталось Монтбарри:

– Он собирается везти эту ужасную женщину в Ирландию?

– Ну что вы! Как он посмотрит в глаза своим арендаторам? Они все знают про Агнес Локвуд.

– Понятно. Тогда куда же он направляется?

– В Шотландию.

– И она согласилась?

– Это всего на пару недель. Они вернутся в Лондон и уедут за границу.

– И уже никогда не вернутся в Англию?

– Как знать! Вы заметили, как она посмотрела на Монтбарри, когда подняла вуаль в начале службы? На его месте я бы дал тягу. Вы ее видели, доктор?

Но к этому времени доктор уже вспомнил про своих пациентов, и с него было достаточно клубных сплетен. Он последовал примеру барона Ривара и удалился.

«Видите, еще один шаг на пути к концу», – повторял он про себя, направляясь домой.

К какому концу?

Глава 4

В тот день, когда те двое вступили в брак, в маленькой гостиной своей лондонской квартиры Агнес Локвуд в одиночестве сжигала письма, которые в минувшее время писал ей Монтбарри.

Тот язвительный портрет, что набросала графиня в разговоре с доктором Уайбрау, и близко не передавал обаяния, составлявшего самую примечательную черту Агнес, – безыскусного выражения доброты и чистоты, привлекавших всякого, кто ее видел. Она выглядела много моложе своих лет. Светлолицая и застенчивая, она легко сходила за девочку, хотя на самом деле приближалась уже к тридцати. Она жила с преданной няней на скромный доход, которого хватало как раз на них двоих. Ни следа понятной грусти не было на ее лице, когда она медленно рвала письма и бросала обрывки в огонь, специально для того разведенный. К несчастью для себя, она была из тех женщин, которые слишком глубоко чувствуют, чтобы выплакаться. Бледная и спокойная, она холодными подрагивающими пальцами уничтожала одно письмо за другим, не отваживаясь напоследок перечесать их. Она как раз рвала последнее, чтобы бросить его в прожорливое пламя, как вошла старая няня и спросила, желает ли она видеть «мастера⁴ Генри», имея в виду самого младшего из семейства Уэствик, того самого, кто публично порицал своего брата в курительной клуба.

Агнес помедлила в нерешительности. Слабый румянец выступил у нее на лице.

Много воды утекло с тех пор, как Генри Уэствик признался ей в своей любви. Она же призналась ему в том, что сердце ее отдано старшему брату. Он примирился с порушенными надеждами, и с тех пор они общались дружески и по-родственному. Никогда прежде он не связывался у нее с неприятными воспоминаниями. Но сегодня, когда его брат, обвенчавшись с другой женщиной, окончательно предал ее, ей почему-то было неприятно его видеть. Помнившая их еще малыми детьми, старая няня терпеливо выжидала. Она, конечно же, симпатизировала Генри и потому поспешила ему на помощь:

– Он говорит, что уезжает, дорогая, и просто пришел проститься.

Эта простая причина возымела свое действие. Агнес решила принять кузена.

Тот вошел так стремительно, что обрывки последнего письма Монтбарри она бросила в огонь уже при нем. Она поспешила заговорить первой:

– Ты так неожиданно уезжаешь, Генри. Дела? Или развеяться?

Вместо ответа он ткнул пальцем в догоравшее письмо и черный пепел, устилавший дно камина:

– Ты жжешь письма?

– Да.

– Его письма?

– Да.

⁴ Вежливое обращение слуги к сыну хозяина.

Он мягко взял ее за руку.

– Я не знал, что вторгаюсь, когда тебе надо побыть одной. Прости, Агнес. Я навещу тебя, когда вернусь.

Слабо улыбнувшись, она показала ему на кресло.

– Мы знаем друг друга с детства, – сказала она. – Чего ради я буду играть в самолюбие перед тобой? Зачем мне иметь от тебя секреты? Некоторое время назад я отослала твоему брату все его подарки. Мне посоветовали сделать больше – ничего не оставлять, что могло бы напомнить о нем. Словом, сжечь его письма. Я последовала этому совету, но, признаться, когда я рвала это последнее письмо, у меня дрогнула рука. Нет, не потому, что оно последнее, а потому, что в нем было вот это.

Она раскрыла ладонь и показала ему локон Монтбарри, перевязанный золотой нитью:

– Что ж, пусть сгорит заодно со всем.

Она бросила локон в огонь. С минуту она стояла спиной к Генри, держась за каминную доску, и глядела в огонь.

Он сел в кресло, выражая лицом противоречивые чувства: в глазах у него стояли слезы, а брови сердито хмурились. Он пробормотал себе под нос:

– Черт бы его взял!

Она собралась с духом и свой вопрос задала, уже повернувшись к нему лицом:

– Так почему ты уезжаешь, Генри?

– У меня скверное настроение, Агнес, и я хочу сменить обстановку.

Она не сразу продолжила разговор, по его лицу она явственно видела, что, отвечая на ее вопрос, он думал о ней. Она чувствовала к нему благодарность, но ее душа была не с ним: ее душа еще была с человеком, который ее оставил. Она снова отвернулась и уставилась в огонь.

– Это правда, – спросила она после долгого молчания, – что они поженились сегодня?

Его односложный ответ прозвучал резко:

– Да.

– Ты был в церкви?

Он возмутился вопросу.

– «В церкви»? – повторил он. – Да я бы скорее пошел... – Он вовремя сдержался. – Как ты можешь спрашивать? – продолжал он тише. – Я не разговаривал с Монтбарри, не виделся с ним с тех пор, как он выказал себя перед тобой подлецом и дураком, кем он и является на деле.

Она молча вскинула на него глаза. Он понял ее и попросил прощения, однако ярость его не унялась.

– Расплата, – сказал он, – настигает иных еще в этой жизни. Он еще раскается в том, что женился на этой женщине.

Агнес села в соседнее кресло и поглядела на него с легким удивлением.

– Можно ли так сердиться на нее лишь потому, что твой брат предпочел ее мне? – спросила она.

– Тебе совсем некого защищать в этом мире, кроме графини? – резко оборвал ее Генри.

– А почему не защищать ее? – удивилась Агнес. – Я ничего дурного про нее не знаю. В тот единственный раз, что мы виделись, она была такая растерянная, беспокойная, у нее был совершенно больной вид, и она действительно была нездорова настолько, что потеряла сознание, хотя там было не жарче, чем в моей комнате. Почему не отдать ей справедливость? Мы знаем, что у нее не было никакого намерения сделать мне плохо; ей ничего не было известно о моей помолвке...

Генри нетерпеливо поднял руку, призывая ее к молчанию.

– Так можно оправдать и простить все что угодно, – перебил он ее. – Мне не по душе твоя терпимость, когда с тобой обошлись самым безобразным образом. Постарайся забыть их обоих, Агнес. Господи, если бы я мог тебе помочь в этом!

Агнес взяла его за руку.

– Ты очень добр ко мне, Генри. Но ты не совсем правильно понимаешь меня. Я сама и мои неприятности представлялись мне совсем в ином свете, когда ты вошел. Неужели мое чувство к твоему брату, задавала я себе вопрос, которое без остатка заполняло мое сердце и востребовало все лучшее во мне и истинное, – неужели оно может пройти и не оставить о себе никакой памяти? Я уничтожила последние свидетельства, напоминавшие мне о нем. В этой жизни я его больше не встречу. Но неужели узы, которые некогда связывали нас, распались окончательно? И я отторгнута от его жизни со всеми ее радостями и огорчениями, как если бы мы никогда не знали и не любили друг друга? Что ты об этом думаешь, Генри? Я не могу в это поверить.

– Если бы ты могла его наказать, как он того заслуживает, – твердо ответил Генри Уэствик, – я бы, пожалуй, мог согласиться с тобой.

Едва он кончил говорить, как в дверях появилась старуха няня с известием о новом госте.

– Простите, что тревожу вас, милая. Миссис Феррари хочет узнать, когда она сможет сказать тебе несколько слов.

Задержав ее, Агнес повернулась к Генри:

– Ты ведь помнишь Эмили Бидуэлл, мою любимую ученицу в деревенской школе, хотя это было давно? Потом она была у меня горничной. Она ушла, когда вышла замуж за итальянца Феррари, курьера⁵, и, боюсь, у них не очень хорошо обстоят дела. Ты не будешь возражать, если я минуточку-другую поговорю с ней?

Генри стал прощаться.

– В другое время я бы с удовольствием повидал Эмили, – сказал он, – а сейчас мне лучше уйти. У меня душа не на месте, Агнес. Задержись я у тебя, не дай бог, наговорю такого, чего лучше сейчас не говорить. Вечером на почтовом я переберусь через Ла-Манш – и посмотрим, как-то мне помогут несколько недель в другой обстановке. – Он взял ее за руку. – Хотя что-нибудь я могу для тебя сделать? – настоятельно спросил он.

Поблагодарив, она постаралась тихо высвободиться. Он удержал ее подрагивающей рукой.

– Благослови тебя Бог, Агнес, – сказал он запнувшимся голосом, не в силах поднять на нее глаза.

Ее лицо вспыхнуло и в следующую секунду покрылось смертельной бледностью. Она знала его сердце так же хорошо, как он сам его знал, и от переживаний не могла вымолвить ни слова. Он поднес ее руку к губам, жарко поцеловал ее и, по-прежнему не глядя на нее, вышел из комнаты. Хромавшая следом няня проводила его до лестницы. Она не забыла о неудавшемся соперничестве младшего брата за руку Агнес.

– Не падайте духом, мастер Генри, – шепнула старуха со здоровой бесцеремонностью простоялинок. – Попытайте ее еще разок, когда вернетесь.

Оставшись одна, Агнес прошла по комнате, стараясь успокоиться. Она остановилась перед маленькой акварелью на стене, доставшейся ей от матери. Там была она сама маленькой девочкой. «На сколько бы мы были счастливее, – грустно подумала она, – если бы никогда не вырастали».

Вошла, почтительно приседая и часто покашливая, жена курьера – кроткая, понурая пигалица со светлыми ресницами и слезящимися глазами. Агнес приветливо пожала ей руку.

– Ну, Эмили, что я могу для тебя сделать?

На это жена курьера дала странный ответ:

– Даже боюсь говорить вам, мисс.

⁵ Здесь: агент, обслуживающий путешественников.

– Что, такая обременительная просьба? Садись, я хочу послушать, как ты живешь. Может, за разговором просьба сама собой выскажется. Как с тобой обходится муж?

Светло-серые глаза Эмили совсем заволоклись слезами. Она покачала головой и обреченно вздохнула:

– Пожаловаться, мисс, вроде бы и не на что, только, боюсь, не думает он обо мне. И к дому потерял интерес, даже, могу сказать, скучно ему дома. Для нас обоих было бы лучше, мисс, если бы он уехал куда с путешественниками, не говоря уж про деньги, которых с грехом пополам хватает. – Она поднесла к глазам платок и вздохнула совсем безнадежно.

– Я не очень понимаю, – сказала Агнес. – По-моему, твой муж подряжался везти нескольких дам в Италию и Швейцарию?

– Тут ему не повезло, мисс. Одна леди заболела, а другие без нее не поехали. Они заплатили ему месячное жалованье как компенсацию, а нанимали ведь на осень и зиму, так что он много потерял.

– Сочувствую, Эмили. Будем надеяться, что скоро ему представится другой случай.

– Теперь не его очередь, мисс, когда в контору придут новые заявки на курьеров. Их там столько сейчас сидит без работы. Вот если бы его рекомендовали в частном порядке... – Она многозначительно смолкла.

Агнес поняла ее без лишних слов.

– То есть вам нужна моя рекомендация, – сказала она. – Что же ты сразу не сказала?

Эмили залилась краской.

– А как бы ему это было кстати! – сказала она, смущаясь. – Сегодня в контору пришло письмо, интересуются хорошим курьером. Договор на шесть месяцев, мисс. А на очереди другой, и секретарь, конечно, будет его рекомендовать. Если бы муж мог отправить с той же почтой свои рекомендации с одним-единственным словечком от вашего имени, мисс, то чаша весов, как говорится, может, и склонилась бы в его пользу. Для господ частная рекомендация большое имеет значение.

Она снова замолчала, снова вздохнула и уставилась в ковер, словно имела причину стыдиться за себя.

Агнес стала утомлять таинственность, с которой высказывалась ее гостья.

– Если ты хочешь, чтобы я повлияла на кого-нибудь из моих друзей, почему ты не назовешь имя?

Жена курьера пустила слезу:

– Мне стыдно, мисс.

– Что за чушь, Эмили! Либо назови имя, либо оставим этот разговор.

Эмили предприняла последнюю отчаянную попытку. Она судорожно скомкала платок и выпалила:

– Лорд Монтбарри.

Агнес поднялась и взглянула на нее.

– Ты меня огорчаешь, – сказала она ровным голосом, хотя такого лица жена курьера у нее никогда прежде не видала. – Ты достаточно знаешь, чтобы понимать невозможность для меня сношений с лордом Монтбарри. Я всегда предполагала в тебе некоторую чуткость. Очень жаль, что я ошиблась.

При всей своей потерянности Эмили как должное восприняла упрек. Она понуро скользнула к двери.

– Простите меня, мисс. Ей-богу, я не такая дурная, как вы думаете. Все равно простите меня. – Она открыла дверь.

Агнес позвала ее. Это извинение с оговоркой смутило ее честное и великодушное сердце.

– погоди, – сказала она. – Нельзя так расставаться. Я не хочу обмануться в тебе. Что, по-твоему, я должна сделать?

На сей раз у Эмили хватило ума отвечать без околичностей:

– Мой муж отошлет свои рекомендации лорду Монтбарри в Шотландию, и я хотела, чтобы вы позволили ему приписать в письме, что, мол, знаете его жену с детства, что благополучие в нашей семье вам не безразлично. Сейчас я уже этого не прошу, мисс. Я теперь вижу, что я плохо придумала.

– Да так ли уж плохо? – Нахлынувшие воспоминания и нынешние горести заступались перед Агнес за эту женщину. – Не бог весть что ты просишь, – сказала она с отзывчивостью, на которую всегда была готова. – Но вряд ли я могу допустить, чтобы в письме твоего мужа упоминалось мое имя. Повтори еще раз, что именно он хочет сказать.

Эмили повторила и еще подала совет, в глазах людей непишущих исполненный особого значения:

– Может, вы проверите, мисс, как это смотрится в письме?

Смешная мысль, но Агнес уступила.

– Если я позволю вам упомянуть мое имя, то нужно решить, что именно вы должны сказать.

И она набросала несколько простых и ясных слов: «Осмелюсь доложить, что мою жену ребенком знала мисс Агнес Локвуд, которая по этой причине отчасти заинтересована в моем благосостоянии». Упоминание ее имени в одной-единственной фразе даже не предполагало, что Агнес могла это позволить или вообще об этом знала. Поборов последние сомнения, она передала листок Эмили.

– Твой муж должен переписать это в точности, ничего не меняя, – предупредила она. – Только на этом условии я выполню твою просьбу.

Эмили была растрогана до глубины души. Агнес поспешила выпроводить ее из комнаты.

– Ступай же, пока я не раскаялась и не забрала записку обратно, – сказала она.

Эмили исчезла.

«Неужели узы, которые некогда связывали нас, распались окончательно? Неужели я отторгнута от его жизни со всеми ее радостями и огорчениями, как если бы мы никогда не знали и не любили друг друга?» Агнес бросила взгляд на каминные часы. И десяти минут не прошло с тех пор, как она задавалась этим же глубокомысленным вопросом. Поразительно, насколько будничным получился ответ на него. Вечерняя почта напомнит Монтбарри о ней, когда он будет выбирать себе слугу.

Через два дня она получила несколько благодарственных строк от Эмили. Ее муж получил это место. Феррари наняли самое малое сроком на шесть месяцев.

Часть вторая

Глава 1

Пробыв в Шотландии всего неделю, милорд и миледи неожиданно вернулись в Лондон. Мельком повидав озера и горы на севере, ее светлость не пожелала углублять знакомство с ними. Когда поинтересовались причиной того, она отвечала с римским лаконизмом:

– Я видела Швейцарию.

Еще неделю молодожены прожили в Лондоне в совершенном затворничестве. В один из этих дней, исполнив поручение Агнес, няня вернулась домой в небывалом возбуждении. Она видела, как из дома с вывеской модного дантиста выходил лорд Монтбарри собственной персоной. Эта добрая женщина не без злорадства расписала его до крайности болезненный вид:

– Щеки, дорогая, впали, а борода совсем стала седая. Надеюсь, дантист его еще помучит!

Зная, с каким жаром ненавидит изменщика преданная ей няня, Агнес сделала скидку на значительную долю преувеличения в представленной картине. Новость была досадна тем, что посеяла в ней тревогу. Если она среди бела дня разгуливает по улицам, куда лорд Монтбарри остается в Лондоне, то какие могут быть гарантии, что в следующий раз он не столкнется с нею? И следующие два дня, коря себя за недостойное поведение, она безвыходно провела дома.

На третий день светская хроника оповестила читателей газет, что лорд и леди Монтбарри отбыли в Париж и далее проследуют в Италию.

Зашедшая в тот же вечер миссис Феррари рассказала, что муж распрощался с ней самым нежным образом; маячившая за граница сильно смягчила его нрав. Из слуг, ехавших с путешественниками, была еще только горничная леди Монтбарри, женщина замкнутая, необщительная, как передавала Эмили. Брат ее светлости, барон Ривар, был уже на континенте. По договоренности он должен был ждать сестру и зятя в Риме.

Скучные недели сменяли одна другую в жизни Агнес. Она с замечательным мужеством переносила свое положение; в часы вынужденного досуга читала или рисовала, не упуская ни единой возможности отвлечься от печальных воспоминаний. Но она так преданно любила, так глубока была ее рана, что вся ее духовная работа не приносила нужного утешения. Общаюсь с ней в будничной обстановке, люди обманывались насчет ее внешнего спокойствия и заключали, что мисс Локвуд, похоже, справляется со своими невзгодами. Однако старая, еще со школьных лет, подруга, повидав Агнес в свой краткий наезд в Лондон, несказанно расстроилась перемене в ней. Эта дама была миссис Уэствик, жена второго брата лорда Монтбарри, в «Книге пэров» названного предполагаемым наследником. Сам он был в отъезде, присматривал за своими рудниками в Америке. Миссис Уэствик настаивала, чтобы Агнес поехала с ней к ним в Ирландию.

– Поживи со мной, пока нет мужа. Побудешь за старшую у моих троих девчушек; из чужих в доме только гувернантка, и я заранее знаю, что она тебе понравится. Собирай вещи, и завтра я заеду за тобой перед поездом.

Приглашение было сделано от чистого сердца, и Агнес с благодарностью его приняла. Она провела три счастливых месяца под кровом у своей подруги. Девочки висли на ней в слезах, когда она уезжала, младшенькая просила взять ее с собой в Лондон. Наполовину в шутку, наполовину всерьез она сказала старой подруге при прощании:

– Если от вас уйдет гувернантка, придержи место для меня.

Миссис Уэствик рассмеялась. Умные же ребятки приняли эти слова всерьез и обещали держать ее в курсе.

Едва мисс Локвуд вернулась в Лондон, как прошлое, которое она так старалась забыть, напомнило о себе. Она облобызала старушку няню, оставшуюся приглядеть за квартирой, и та сразу выложила ошеломляющую новость:

– Приходила миссис Феррари, дорогая, она в ужасном виде, спрашивала, когда ты вернешься. Ее муж без всякого предупреждения ушел от лорда Монтбарри – и никто не знает, где он и что.

Агнес удивленно глянула на нее.

– Ты отвечаешь за свои слова? – спросила она.

– Господь с тобой! Эта новость пришла из конторы курьеров на Голден-сквер, от самого секретаря – вот так-то!

Услышанное поразило и встревожило Агнес. Вечер был ранний. Она сразу послала к миссис Феррари – сказать, что приехала.

Через час явилась плохо владевшая собой от тревоги жена курьера. Ее рассказ, как скоро она обрела связную речь, целиком подтвердил слова няни. Достаточно быстро получив письма из Парижа, Рима и Венеции, Эмили затем писала ему дважды – он не отвечал. Тревожась за него, она пошла в контору на Голден-сквер: может, там что знают? Как раз в то утро секретарь получил письмо из Венеции от одного их курьера. В нем содержалась ошеломляющая новость касательно Феррари. Его жене разрешили снять копию с письма, и сейчас она передала ее Агнес.

Автор письма сообщал, что в Венецию он прибыл совсем недавно. Прежде он слышал, что Феррари живет с лордом и леди Монтбарри в одном из старинных венецианских палаццо, которое те сняли на срок. С Феррари они были друзья, и он пошел проведать его. Безрезультатно позвонив в дверь, он узкой венецианской улочкой прошел к боковому входу. У этой двери, словно уверенная, что он сюда неминуемо придет, стояла бледная женщина с выразительными темными глазами. Оказалось, что это не кто иной, как леди Монтбарри.

Она спросила по-итальянски, что ему нужно. Он ответил, что ему нужно видеть курьера Феррари, если это возможно. Та сообщила, что Феррари покинул палаццо, не выставив никаких претензий и даже не оставив адреса, на который ему можно переслать его месячное жалование (оно тогда ему полагалось). Пораженный курьер спросил:

– Не оскорблял ли кто Феррари? Не было ли какой ссоры?

Дама отвечала:

– Ничего подобного, насколько я знаю. Я леди Монтбарри, и я положительно утверждаю, что в этом доме с Феррари обращались чрезвычайно доброжелательно. Мы, как и вы, поражены его исчезновением. Если вы про него что-либо услышите, умоляю, дайте нам знать. Мы, по крайней мере, заплатим деньги, которые ему причитаются.

Спросив еще, в какой день и час Феррари ушел из палаццо, и получив ясные ответы, курьер распрощался и ушел.

Он сразу же повел необходимое расследование – впрочем, без всякого результата. Никто не видел Феррари, никто, похоже, не был облачен его доверием. Даже о таких важных персонах, как лорд и леди Монтбарри, никто не знал ничего, – по крайней мере, ничего такого, что представляло интерес.

Говорили, что до исчезновения Феррари от леди Монтбарри ушла ее горничная, уехав к своим родственникам домой, и что леди Монтбарри даже не пыталась подыскать себе новую горничную. Говорили, что его светлость хворает, что он стал совершенным затворником, никого не принимает, даже соотечественников. Отыскивали глупую старуху, убиравшую в палаццо, – утром она приходила, а вечером уходила. Пропавшего курьера она не видела. Не видела даже лорда Монтбарри, который из-за болезни не выходил из комнаты. Ее светлость, «любезная и славная госпожа», сама обихаживала своего благородного супруга. Насколько старуха могла судить, других слуг, кроме нее, в доме не было. Еду приносили из ресторана. Лорд,

говорили, не любит посторонних. Его зять, барон, обычно запирался где-то в глубине палатцо, производя (по словам любезной госпожи) химические опыты. От этих опытов иногда стоял ужасный запах. Недавно к его светлости вызывали врача – итальянского врача, он старожил Венеции. Расспросили и этого джентльмена (врача знающего и достойного). Оказалось, что он тоже не видел Феррари. Его вызывали в палатцо уже после исчезновения курьера, как о том свидетельствовала его памятная книга. У милорда, сказал доктор, бронхит. И хотя приступ был сильный, оснований для беспокойства пока нет. Если появятся тревожные признаки, он договорился с ее светлостью, чтобы она позвала еще одного врача. А вообще ничего, кроме хорошего, о миледи сказать нельзя. Она круглыми сутками у постели мужа.

Вот и все подробности, которые выведал курьер, друг Феррари. Полиция не забывала о пропавшем, и это была единственная надежда, которая еще оставалась у жены Феррари.

– Что вы думаете об этом, мисс? – нетерпеливо спросила бедная женщина. – Что вы мне посоветуете?

Агнес была в растерянности. Она едва слышала, что говорила Эмили. Упоминание Монтбарри в письме курьера, его болезнь, его затворничество разбредили старые раны. Она забыла думать о пропавшем Феррари; душой она была в Венеции, у постели больного.

– Даже не знаю, что тебе сказать, – сказала она. – Я никогда не сталкивалась с таким серьезным делом.

– А вам не поможет, мисс, если вы прочтете письма моего мужа? Их всего три. Это недолго.

Из сочувствия к ней Агнес прочла эти письма. Они не отличались особой сердечностью. Самыми теплыми в них были обязательные слова: «Дорогая Эмили» и «Целую, твой...». Отзыв о лорде Монтбарри в первом письме был не очень благоприятным:

«Мы уезжаем из Парижа завтра. Мне лорд не очень нравится. Он гордый и холодный человек и, между нами, скуповатый. Мне пришлось поспорить с ним из-за такой чепухи, как несколько сантимов в гостиничном счете; и еще я пару раз слышал, как супруги резко говорили друг с другом, поскольку ее светлость не сдерживает себя в соблазнительных парижских лавочках. «Я не могу себе этого позволить; вам должно хватать вашего содержания» – вот такие слова приходится ей выслушивать. Что до нее, то она мне нравится. Она держится легко и приятно, как все иностранцы, она говорит со мной так, словно я тоже человек».

Следующее письмо было из Рима.

«Из-за причуд милорда, – писал Феррари, – нам всем не сидится на одном месте. Словно его зуд разбирает. Я думаю, у него беспокойно на душе. Его, скорее всего, мучат воспоминания. Я то и дело застаю его за чтением старых писем, когда ее светлости нет дома. Мы должны были остановиться в Генуе, но он погнал нас дальше. То же самое во Флоренции. Но здесь, в Риме, миледи потребовала остановиться. Здесь нас встретил ее брат. Милорд и барон уже успели поссориться (мне горничная рассказывала). Барон просил денег взаймы. Милорд отказал таким тоном, что барон оскорбился. Миледи их помирила, заставила пожать друг другу руки».

Третье, последнее письмо было из Венеции.

«Милорд продолжает экономить. Вместо того чтобы остановиться в гостинице, мы сняли сырой, весь в плесени, расплзшийся во все стороны старый дворец. В отелях миледи требует личных апартаментов, а палатцо на два месяца обойдется дешевле. Милорд хотел снять на больший срок – он

говорил, что венецианский покой хорошо действует на его нервы. Но какой-то иностранный архитектор подрядился переделать палатцу в гостиницу. Барон еще с нами, и ссоры из-за денег продолжаются. Барон мне не нравится, и в миледи я разочаровываюсь. Все было гораздо приятнее, пока к нам не присоединился барон. Милорд аккуратный казначей. Для него это вопрос чести. Он ненавидит расставаться с деньгами, но расстается, потому что связан словом. Я регулярно получаю свое жалованье в конце каждого месяца, причем ни франка лишнего, а чего я только не делал, что не входит в обязанности курьера! Представь, барон пытался занять денег у меня! Он заядлый игрок. Я не поверил, когда мне об этом сказала горничная миледи, но с тех пор я повидал достаточно и знаю, что это правда. И много еще я нагляделся такого, что не прибавило уважения к миледи и барону. Горничная говорит, что собирается уходить. Она англичанка, дама почтенная, строгая, не то что я. Жизнь у нас скучная. В гости не ходим, у себя не принимаем. Милорд не видит ни единой живой души – ни консула даже, ни банкира. Выходит всегда один, и всегда под вечер. Когда дома, запирается у себя в комнате и всячески избегает жены и барона. Я считаю, добром тут не кончится. Если милорд что-нибудь заподозрит, последствия будут ужасные. Монтбарри лучше не искушать, он ни перед чем не остановится. Однако жалованье у меня хорошее, и заговаривать об уходе, как горничная, мне не пристало».

Быстро же приспело наказание изменнику! Стыд и горечь терзали Агнес душу, когда она возвращала письма. Плохая она сейчас советчица.

– Единственно, что я могу предложить, – сказала она в дополнение к словам утешения и надежды, – это посоветоваться с человеком, который гораздо опытнее нас с тобой. Что, если я попрошу моего адвоката – он к тому же мой друг и опекун – зайти завтра, как освободится, и что-нибудь посоветовать нам?

Эмили благодарно ухватила за это предложение. Договорились, когда встретиться завтра. Письма остались у Агнес; жена курьера наконец ушла.

Вымотавшаяся и удрученная Агнес прилегла на кушетку. Заботливая няня принесла чашку бодрящего чая. Ее забавная болтовня, как она тут справлялась без Агнес, действовала успокоительно на сокрушенное сердце ее госпожи. Они мирно беседовали, когда громкий стук во входную дверь заставил их вздрогнуть. Кто-то спешно поднимался по лестнице. Дверь распахнулась, и в гостиную с безумным видом вбежала жена курьера.

– Он мертв! Они убили его! – Выговорив эти дикие слова, она рухнула на колени перед кушеткой, вытянула руку, что-то сжимавшую в кулаке, и потеряла сознание.

Взглядом велел Агнес открыть окно, няня начала приводить женщину в чувство.

– Что это? – воскликнула она. – Да у нее письмо в руке! Взгляните-ка, мисс.

На раскрытом конверте явно измененным почерком было написано: «Для миссис Феррари». На почтовом штемпеле значилось: «Венеция». В конверте был лист иностранной почтовой бумаги и что-то сложенное вдвое.

На бумаге также измененным почерком была выведена единственная фраза: «Пусть это облегчит вам утрату мужа».

Агнес развернула вторую бумагу.

Это был кредитный билет Английского банка на тысячу фунтов.

Глава 2

На следующий день мистер Трой, друг и советчик Агнес, пожаловал к ней, о чем было договорено накануне вечером.

Миссис Феррари, по-прежнему убежденная в смерти мужа, оправилась настолько, что могла присутствовать на совещании. С помощью Агнес она поведала адвокату то небольшое, что знала об исчезновении Феррари, и предложила все письма, имевшие к этому отношение. Мистер Трой сначала прочел три письма, написанные Феррари жене, потом письмо, написанное приятелем Феррари и содержащее рассказ о его посещении палаццо и разговоре с леди Монтбарри, и в последнюю очередь – ту единственную фразу, написанную безымянной рукой, что сопровождала необычный подарок жене Феррари.

Позднее прославившийся защитой интересов леди Лидьяр в деле о краже, обычно называемом «Дело о деньгах миледи», мистер Трой был не только человек опытный и знающий, но также, что называется, повидавший людей и дома, и за границей.

Проницательный, со своеобразным юмором, отзывчивый, чему не мешал даже его профессиональный опыт юриста, он при всех своих достоинствах едва ли подходил сейчас на роль советчика. Миссис Феррари, отличная жена и хозяйка, была самой заурядной женщиной. Мистер Трой меньше всего мог рассчитывать на то, чтобы завоевать ее расположение: он был прямой противоположностью самого заурядного мужчины.

– У бедняжки совсем больной вид! – этими бесцеремонными словами по адресу миссис Феррари юрист открыл вечернее заседание.

– Она перенесла ужасный удар, – заметила Агнес.

С интересом, которого заслуживает человек, перенесший ужасный удар, мистер Трой снова взглянул на миссис Феррари. Он рассеянно побарабанил пальцами по столу. Наконец он заговорил:

– А вы, уважаемая, верите тому, что ваш муж умер?

Миссис Феррари поднесла платок к глазам. Слово «умер» слабо выражало ее мысли.

– Убили! – не отнимая платка, сказала она твердо.

– Зачем? И кто? – спросил мистер Трой.

Миссис Феррари помешкала с ответом.

– Вы читали письма моего мужа, сэр, – начала она. – Наверное, он обнаружил... – Споткнувшись, она не стала продолжать.

– Что он обнаружил?

Людское терпение безгранично – даже терпение новоиспеченной вдовы. Раздраженная этим холодным вопросом, миссис Феррари высказалась наконец начистоту.

– Насчет леди Монтбарри и барона! – истерически взвизгнула она. – Этой скверной женщине барон такой же брат, как я. А мой муж прознал об их преступлении. Из-за этого и горничная ушла от госпожи. Если бы Феррари тоже ушел, он сейчас был бы живой. Они его убили. Да, убили, чтобы это не дошло до ушей лорда Монтбарри. – Рублеными фразами, срывающимся голосом миссис Феррари высказала свое мнение о случившемся.

Придерживая свою точку зрения про запас, мистер Трой слушал с насмешливо-одобрительным видом.

– Изложено хоть куда, миссис Феррари, – сказал он. – Вы отлично построили свою речь, искусно сплели свои выводы. Будь вы мужчиной, из вас вышел бы славный адвокат – вы бы прибрали к рукам всех присяжных. Кончайте же дело, уважаемая, кончайте дело. Расскажите нам, кто послал это письмо, кто вложил кредитный билет. Едва ли те двое, что убили Феррари, порывшись в карманах, стали бы вам посылать тысячу фунтов. Кто же тогда? Я вижу штамп на

письме: «Венеция». Может быть, у вас есть там друг с большим сердцем и таким же большим кошельком, который посвящен в тайну и желает успокоить вас анонимно?

Ответить было непросто. Миссис Феррари стала закипать ненавистью к мистеру Трою.

– Я вас не понимаю, сэр, – сказала она. – По-моему, сейчас не время шутить.

Тут вмешалась Агнес. Она подсела поближе к своему советчику и другу.

– Какое же может быть самое вероятное объяснение, по вашему мнению? – спросила она.

– Я оскорблю миссис Феррари, высказав его, – ответил мистер Трой.

– Нет-нет, сэр, вы меня не оскорбите! – вскричала миссис Феррари, к этому времени откровенно ненавидевшая мистера Троя.

Адвокат откинулся в кресле.

– Отлично, – сказал он самым добродушным образом. – Давайте внесем ясность. Заметьте, мадам, я не оспариваю ваш взгляд на положение дел в венецианском палаццо. В подтверждение его у вас есть письма вашего мужа; в вашу пользу и то важное обстоятельство, что горничная леди Монтбарри действительно оставила дом. Возможно, таким образом, предположить, что лорда Монтбарри сделали жертвой гнусного обмана, что мистер Феррари первым обнаружил это и что виновные имели основания бояться не только того, что он сообщит лорду Монтбарри о своем открытии, но и выступит главным свидетелем против них, если этот скандал будет обнародован в суде. А теперь следите. Допуская все эти соображения, я вывожу совершенно иное заключение, нежели то, к которому вы пришли. Итак, ваш муж оказывается в этом жалком семействе на троих – причем его положение самое щекотливое. Что он делает? Если бы не кредитный билет и приложенная к нему записка, я бы заключил, что он мудро отказался быть причастным к позорному разоблачению, тайно бежав из дворца. Деньги вносят поправку, и не в пользу мистера Феррари. Я по-прежнему убежден, что он держится в стороне. Но я теперь добавлю, что ему заплатили за это; и вот эта банкнота не что иное, как цена его отсутствия, которую виновные выплатили его жене.

Слезящиеся глазки миссис Феррари вдруг вспыхнули огнем; ее скучное серое лицо стало наливаться краснотой.

– Это ложь! – вскричала она. – Вам должно быть стыдно говорить такие вещи о моем муже!

– Я же говорил, что мои слова оскорбят вас, – сказал мистер Трой.

Снова с миротворческой целью вмешалась Агнес. Оскорбленную жену она взяла за руку, адвоката просила пересмотреть догадку в той части, что бросала порочащий свет на Феррари. Она еще говорила, когда в комнату вошел лакей с визитной карточкой. На карточке стояло имя Генри Уэствика; карандашом были приписаны тревожные слова:

«У меня дурные вести. Пожалуйста, сойди на минуту вниз».

Агнес тут же вышла из комнаты.

Оставшись наедине с миссис Феррари, мистер Трой наконец выявил лучшие черты своей натуры. Он постарался примириться с женой курьера.

– Милейшая, вы имеете полное право возмущаться тем, что на вашего мужа ложится пятно, – начал он. – Скажу даже, я вас уважаю за то, что вы так горячо вступаетесь за него. Однако не забывайте, что в таком серьезном деле я обязан высказать свои мысли без обиняков. У меня не может быть никакого намерения оскорбить вас: ведь я совершенно посторонний и вам, и мистеру Феррари. Тысяча фунтов – это большие деньги, и вполне извинительно, если небогатый человек соблазнится ими вплоть до того, чтобы на некоторое время просто отойти в сторону – ничего больше. Действуя от вашего имени, я преследую одну-единственную цель: узнать истину. Если вы дадите мне время, то отчаиваться найти вашего мужа, поверьте мне, еще рано.

Жена Феррари с недоверием слушала. Ее скудный умишко, до краев наполненный неблагоприятным мнением о мистере Трое, уже не мог перебороть первоначальное впечатление.

– Премного благодарна вам, сэр, – только и сказала она.

Глаза же ее сказали больше: «Можете говорить все, что угодно. Я не прощу вас до самой смерти».

И мистер Трой перестал стараться. Он сосредоточенно крутанулся на своем кресле на колесиках, сунул руки в карманы и стал глядеть в окно.

Воцарилось недолгое молчание, нарушенное открывшейся дверью.

Мистер Трой быстро повернулся к двери, ожидая увидеть Агнес. Но, к его удивлению, вошел незнакомец – цветущий джентльмен со следами боли и растерянности на красивом лице. Он взглянул на мистера Троя и сумрачно кивнул головой.

– К несчастью, я принес мисс Агнес вести, чрезвычайно ее расстроившие, – сказал он. – Она ушла к себе и просила меня извиниться за нее и продолжать разговор от ее имени. – Объяснив таким образом свое появление, он заметил миссис Феррари и сердечно протянул ей руку. – Давненько мы не виделись, Эмили. Боюсь, с тех пор вы успели забыть мастера Генри.

После некоторого замешательства она его признала и спросила, не может ли она чем помочь мисс Локвуд.

– С ней нянюшка. Лучше оставить их в покое. – Он снова взглянул на мистера Троя. – С вашего позволения, меня зовут Генри Уэствик. Я младший брат покойного лорда Монтбарри.

– Покойного лорда Монтбарри?! – воскликнул мистер Трой.

– Мой брат умер вчера вечером в Венеции. Вот телеграмма.

С этими ошеломляющими словами он передал ее мистеру Трою.

В бумаге было следующее сообщение:

*«От леди Монтбарри. Стивену Роберту Уэствику, отель «Ньюбери»,
Лондон. Ехать бесполезно. Лорд Монтбарри умер от бронхита сегодня
вечером в 8.40. Подробности письмом».*

– Этого ожидали, сэр? – спросил адвокат.

– Не скажу, что для нас это была полная неожиданность. Три дня назад мой брат Стивен (он теперь глава семьи) получил телеграмму, что обнаружены тревожные симптомы и приглашен второй врач. В ответ он телеграфировал, что выезжает из Ирландии в Лондон и далее в Венецию и просит направлять ему сообщения в отель. В следующей телеграмме сообщалось, что лорд Монтбарри находится в бессознательном состоянии и, приходя в себя, никого не узнает. Брату советовали задержаться в Лондоне и ждать следующих сообщений. Третья телеграмма у вас в руках. Вот все, что я пока знаю.

Случайно взглянув на жену курьера, мистер Трой поразился выражению безотчетного ужаса на ее лице.

– Миссис Феррари, вы слышали, что рассказал мне мистер Уэствик?

– Все до последнего слова, сэр.

– Вы хотите что-нибудь спросить?

– Нет, сэр.

– Мне показалось, что вы встревожены, – настаивал адвокат. – Или это по-прежнему тревога о муже?

– Я никогда не увижу своего мужа, сэр. Вы знаете, что я так думала все время, сэр. А теперь я просто уверена в этом.

– То есть вы убедились в этом после услышанного?

– Да, сэр.

– А почему? Вы мне не скажете?

– Нет, сэр. Просто у меня такое чувство, а почему – не знаю.

– Ах, чувство, – презрительно отозвался мистер Трой. – Когда дело доходит до чувств, дорогуша... – Не докончив фразы, он встал, чтобы попрощаться с мистером Уэствиком. На самом деле он был порядком растерян и не желал выказывать это перед миссис Феррари. – Примите мои соболезнования, сэр, – обратился он к мистеру Уэствику. – До свиданья.

Когда за адвокатом закрылась дверь, Генри повернулся к миссис Феррари.

– От мисс Локвуд, Эмили, я слышал о вашей беде. Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Ничем, сэр. Благодарю вас. После того, что случилось, тут не до меня. Я зайду завтра. Может, чем и пригожусь мисс Агнес. Мне ее очень жаль. – Церемонно присев, она неслышно удалилась, преисполненная самых мрачных ожиданий относительно мужа.

Оставшись один, Генри Уэствик оглядел маленькую гостиную. Никаких дел у него здесь не было, но он медлил уходить. Для него много значило просто побыть вблизи Агнес и увидеть ее вещи. Вот в углу ее стул, рядом на столике вязанье, на маленьком мольберте у окна – последний рисунок, он еще не закончен; на диване недочитанная книга, заложенная пеналом. Он разглядывал все эти предметы, напоминавшие ему о любимой женщине, ласково брал их в руки и со вздохом опускал на место. Ах, как далека, как недостижимо далека она еще от него! «Она никогда не забудет Монтбарри, – подумал он про себя и взял шляпу. – Никто из нас так не переживает его смерть, как она. Жалкий негодяй, как она его любила!»

На улице, когда Генри уже вышел из дверей, его остановил знакомый – надоедливый любопытный тип, вдвойне неприятный ему в ту минуту.

– Скверные новости о брате, Уэствик. Довольно неожиданная смерть, не правда ли? Никто в клубе даже не подозревал, что у Монтбарри слабые легкие. Что будут делать страховые конторы?

Генри вздрогнул. Мысль о том, что брат застраховал свою жизнь, даже не приходила ему в голову. Что будут делать страховые конторы? Будут платить. Ни в малейшей степени не была загадочной смерть от бронхита, удостоверенная двумя врачами.

– Зря вы задали мне этот вопрос, – раздраженно сказал Генри.

– Ага! – сказал его приятель. – Вы думаете, вдова получит эти деньги? Я тоже так думаю!

Глава 3

Несколько дней спустя лондонские поверенные ее светлости направили в страховые конторы (их было две) формальный отчет о смерти лорда Монтбарри. В каждой конторе страховка составляла пять тысяч фунтов, причем взнос был сделан за один год. Ввиду этих чрезвычайных финансовых обстоятельств члены обеих контор сочли желательным обсудить создавшееся положение. На совещание были вызваны врачи, рекомендовавшие заключить с лордом Монтбарри соглашение на страхование жизни. Анализ их рекомендаций возбудил известный интерес у страховых агентов. В целом не отказываясь платить страховку, обе конторы договорились послать в Венецию следственную комиссию, дабы собрать дополнительную информацию.

Мистер Трой с самого начала был в курсе этих событий. Новостями он поделился с Агнес, высказав попутно важное соображение.

«Насколько я знаю, вы близко знакомы с леди Барвилл, старшей сестрой покойного лорда Монтбарри. Поверенный ее мужа связан с одной из этих двух страховых контор. В отчетах этой комиссии может вполне содержаться что-нибудь, касающееся исчезновения Феррари. К такому документу, разумеется, не подпустят посторонних, но для сестры покойного могут сделать исключение. Если сэр Теодор Барвилл настаит, то адвокаты если и не допустят леди Барвилл к отчету, то по крайней мере ответят на благоразумные вопросы, которые она перед ними поставит. Дайте знать, что вы думаете о моем предложении, как можно скорее».

С обратной почтой пришел ответ. Агнес отказывалась воспользоваться предложением мистера Троя.

«Мое, казалось бы, безобидное участие, – писала она, – повлекло за собой такие печальные последствия, что я не могу и не смею дальше связывать себя с делом Феррари. Если бы меня не вынудили разрешить этому несчастному воспользоваться моим именем, покойный лорд Монтбарри его бы не нанял и его жена не прозябала бы сейчас в вечной тревоге. Я не взгляну на этот отчет, если даже его вложат мне в руки. Я достаточно узнала об этой ужасной жизни в венецианском палаццо. Если миссис Феррари сама решит обратиться к леди Барвилл с вашей помощью, тогда другое дело. Но и в этом случае я решительно настаиваю, чтобы мое имя не упоминалось. Простите меня, милый мистер Трой! Я очень несчастная и очень неблагоразумная, но я всего-навсего женщина, и не надо ждать от меня слишком много».

Потерпев здесь неудачу, адвокат высказался за то, чтобы постараться найти английскую горничную леди Монтбарри. Это превосходное предложение имело один недостаток: для его осуществления требовались деньги, а их не было – миссис Феррари и думать не хотела воспользоваться тысячефунтовой банкнотой. Ее отдали на хранение в банк. При одном ее упоминании она вздрагивала и восклицала: «Кровавые деньги!»

Вот так получилось, что под давлением обстоятельств попытка разгадать тайну исчезновения Феррари была на время отложена.

Шел последний месяц 1860 года. Начав расследование 6 декабря, комиссия продолжала работу. Между тем 10 декабря кончился срок, на который покойный лорд Монтбарри снял венецианское палаццо. Страховые конторы были извещены телеграммой, что леди Монтбарри отбывает в Лондон в самом скором времени. Говорили, что барон Ривар придет с ней в Англию, но сам тут не останется, если, конечно, его услуги не понадобятся ее светлости. «Известный энтузиаст химии», барон прослышал, что в Соединенных Штатах недавно сделаны важные открытия в этой области, и горел желанием лично разобраться в них.

Собрав все эти сведения, мистер Трой своевременно передал их миссис Феррари, которая, тревожась о муже, стала частой – излишне частой – посетительницей его конторы. Услышанным она поделилась с друзьями и со своей покровительницей. Агнес твердо отказалась слушать и решительно пресекла дальнейшие разговоры о жене лорда Монтбарри, коль скоро лорда Монтбарри уже нет в живых.

– Для советов у тебя есть мистер Трой, – сказала она, – а если понадобятся деньги, располагай тем немногим, что у меня есть. За это я прошу только, чтобы мне не причиняли боли. Я стараюсь избавиться от воспоминаний, – ее голос дрогнул, – которые стали еще горше после смерти лорда Монтбарри. Молчи, и ты поможешь мне обрести душевный покой, если это вообще возможно. Пока я вместе с тобой не смогу порадоваться возвращению твоего мужа, я ничего об этом не желаю слышать.

Настало 13 декабря, и в распоряжение мистера Троя поступила интересная свежая информация. Страховая комиссия завершила свою работу: в тот день из Венеции пришел отчет.

Глава 4

14 декабря члены правления и их юрисконсульты встретились для чтения отчета за закрытыми дверями. Секретность была условием, при котором члены комиссии знакомили с результатами своего расследования:

«Имеем честь сообщить Правлению, что мы прибыли в Венецию 6 декабря 1860 года. В тот же день мы прошли в палаццо, где до последовавших затем болезни и смерти проживал лорд Монтбарри.

Со всей мыслимой любезностью нас принял брат леди Монтбарри, барон Ривар. «Во все время его болезни моя сестра одна ухаживала за ним, – сообщил нам барон. – Она сокрушена скорбью и усталостью, не то, конечно же, приняла бы вас лично. Что вам желательно, джентльмены? Что я могу для вас сделать вместо ее светлости?»

Согласно данным нам распоряжениям, мы сообщили, что смерть и погребение лорда Монтбарри за границей делают желательной более подробную, чем это возможно в переписке, картину его болезни и сопровождавших ее обстоятельств. Мы объяснили, что закон предусматривает известную отсрочку в выплате по страховому полису, и заверили, что проведем расследование, насколько это возможно, щадя чувства ее светлости и не чиня неудобств другим членам семьи, проживающим в доме.

На это барон отвечал: «Я единственный, кто здесь живет. И я сам, и дворец в вашем распоряжении». Мы постоянно отмечали прямодушие этого джентльмена и расположенность оказывать нам содействие.

В тот же день мы обошли весь дворец, исключая только комнату ее светлости. Это огромное помещение, лишь отчасти меблированное. Покои, которые занимали лорд Монтбарри и члены семьи, размещались на первом и частью втором этажах. Мы побывали в спальне, где умер милорд, – это в самом углу здания; к ней примыкает маленькая комната, которую он использовал под кабинет. Дальше за ними покои, которые он держал закрытыми, преследуя цель, как нам сказали, заниматься без помех и в совершенном одиночестве. По другую сторону были спальня ее светлости и гардеробная, где до своего отъезда в Англию спала ее горничная. Еще дальше – столовая и приемная, выходившая в вестибюль, откуда открывается парадная лестница.

На втором этаже обитаемыми были только небольшая гостиная и спальня, которые занимал барон, и еще одна комната, чуть дальше, служившая спальней курьеру Феррари.

Комнаты на третьем и цокольном этажах стояли необставленные и были в совершенном запустении. Мы поинтересовались, есть ли помещения под цоколем, и нам сообщили, что там подвал, куда мы можем спуститься, если пожелаем.

Для очистки совести мы спустились и в подвал. В старые времена, примерно несколько веков назад, там, говорят, располагалась темница. Воздух и свет лишь в слабой степени проникали в эту печальную обитель через забранные железными решетками горловины труб под самыми сводами, выходивших на задний двор. Ведущая вниз каменная лестница закрывается опускаемой дверью, при нас она была открыта. Барон сам спустился с нами в подвал. Мы заметили, что будет крайне неприятно, если дверь за нами опустится и отрежет выход. Барон улыбнулся: «Не тревожьтесь, джентльмены. Дверь надежна. Мне самому было важно убедиться в этом, когда мы сюда въехали. Мой излюбленный предмет занятий – экспериментальная химия, и с тех пор, как мы в Венеции, здесь моя мастерская».

Последние слова объяснили странный запах в подвале, который мы почуяли сразу же, как вошли туда. Этот запах действовал как бы в два приема. Поначалу он был даже ароматный, но потом делался откровенно тошнотворным. Повсюду были не требовавшие разъяснений бароновы печки и реторты, кулечки с химикалиями, на которых четким почерком были выписаны имена и адреса поставщиков. «Заниматься здесь не очень приятно, но сестра у меня хрупкое существо, она терпеть не может запахов и взрывов и поэтому выселила меня сюда вниз, чтобы не слышать и не обонять моих опытов». Он вытянул руки, и мы увидели, что в доме он ходит в перчатках. «Случаются неудачи, – сказал он, – как ни стараешься быть осторожным. На днях, испытывая новый состав, я сжег себе руки. Они только-только стали заживать».

Мы приводим эти малозначительные подробности лишь в подтверждение того, что никакие попытки утаить что-либо не препятствовали нашему осмотру. Позднее нам даже представилась возможность побывать в комнате его светлости, когда она вышла подышать воздухом. Нам было поручено обследовать жилище его светлости, поскольку его крайне замкнутый образ жизни в Венеции и поразительное исчезновение обоих слуг из дома могли быть в подозрительной связи с характером его смерти. Мы не обнаружили ничего, подтверждающего это подозрение.

Что касается уединенного образа жизни его светлости, мы беседовали на эту тему с единственными посторонними людьми, с кем он поддерживал хоть какую-то связь, — с консулом и банкиром. В банк он зашел всего однажды, чтобы получить деньги по кредитному письму, и тогда же отклонил предложение банкира навестить его дома, сославшись на нездоровье. В том же смысле его светлость писал консулу, отсылая ему визитную карточку. Он извинялся, что не может нанести ответный визит этому джентльмену, навестившему его в палаццо. Мы видели это письмо и решаемся предложить вашему вниманию копию с него. «Прожив много лет в Индии, я загубил свое здоровье. Я перестал появляться в обществе, и моим единственным занятием в жизни стало изучение восточной литературы. Не будь воздух Италии мне полезен, я бы не думал уезжать из Англии. Простите великодушно книжного червя и калеку. Моя деятельная жизнь подошла к концу». Эти несколько строк, по нашему мнению, объясняют добровольное затворничество его светлости. Эти соображения, однако, не избавили нас от расследования в других направлениях. Ничего возбуждающего недобрые подозрения не стало нам известно.

Что касается ухода горничной миледи, мы видели ее расписку в получении жалованья, и там было определенно высказано, что она оставляет службу у леди Монтбарри, поскольку ей не нравится континент и она желает вернуться на родину. Это не столь уж редкий случай с английскими слугами, вывезенными за границу. Леди Монтбарри сообщила нам, что другую горничную она нанимать не стала, поскольку его светлость крайне раздражали посторонние люди в доме при тогдашнем состоянии его здоровья.

Исчезновение курьера Феррари само по себе крайне подозрительно. Ни ее светлость, ни барон не могли этого объяснить; предпринятое нами расследование не пролило ни малейшего света на это событие, как и не подтвердило прямой или косвенной связи его с целью нашего расследования. Мы пошли даже на то, чтобы осмотреть чемодан, оставшийся после Феррари. В нем были только одежда и белье — не было ни денег, ни клочка бумаги в карманах. Чемодан этот находится сейчас в полиции.

Мы нашли также возможность приватно побеседовать со старой женщиной, убирающей комнаты ее светлости и барона. Она попала на это место по рекомендации ресторатора, который доставлял еду в палаццо во время проживания там семьи. Отзывы о ней самые благоприятные. К сожалению, по своей ограниченности она не годится на роль свидетельницы. Нашим терпеливым и подробным расспросам она внимала с полной готовностью, однако выявить что-либо достойное внимания для внесения в этот отчет так и не удалось.

На следующий день мы имели честь беседовать с леди Монтбарри. Ее светлость выглядела донельзя изможденной и больной и не совсем могла уяснить, чего мы добиваемся. Представивший нас барон объяснил ей причину нашего приезда в Венецию и, как мог, заверил ее, что это всего-навсего формальность с нашей стороны. Успокоив ее таким образом, барон предупредительно удалился.

Вопросы, которые мы предложили леди Монтбарри, касались в основном болезни его светлости. Из ее сбивчивых, но, безусловно, искренних ответов составила следующая картина: лорд Монтбарри недомогал уже давно, был возбужден и раздражителен. Впервые на простуду он пожаловался 13 ноября; ночь была беспокойная, с жаром, и следующий день он провел в постели. Ее светлость предложила позвать врача. Он запретил, сказав, что с таким пустяком,

как простуда, справится не хуже врача. Чтобы пропотеть, он попросил приготовить горячий лимонад. К этому времени горничная уже покинула дом, и за лимонами отправился курьер Феррари (он в ту пору был единственный слуга в доме). Ее светлость собственноручно готовила питье. Оно подействовало, и лорд Монтбарри на несколько часов заснул. Позже в тот день леди Монтбарри понадобилась помощь Феррари, и она позвонила. Никто не пришел на звонок. Напрасно искал его барон Ривар и в палатце, и на улице. С того времени следы Феррари потерялись. Это случилось 14 ноября.

Ночью, дополняя простуду, вернулись признаки лихорадки. Отчасти они могли быть приписаны беспокойству и тревоге по случаю исчезновения Феррари. Скрыть это обстоятельство не удалось, поскольку его светлость постоянно звонил, настаивая, чтобы Феррари сменил леди Монтбарри и барона у его постели.

Утром 15-го (в тот день к ним приходила убирать старуха) у его сиятельства разболелось горло, он почувствовал тяжесть в груди. Тогда же и на следующий день ее светлость и барон пытались убедить его вызвать врача. Он по-прежнему отказывался. «Я не хочу видеть рядом с собой посторонних лиц; простуда пройдет сама по себе, без доктора» – таким был его ответ. Когда же 17-го ему стало совсем худо, было решено послать за врачом, не спрашиваясь у него. Посоветовавшись с консулом, барон Ривар обратился к услугам доктора Бруно, известного в Венеции первоклассного врача, в пользу которого говорило и то, что он бывал в Англии и знаком с английской практикой.

До сих пор отчет о болезни его светлости был составлен со слов леди Монтбарри. Более подходящим языком изложенное продолжение есть в отчете этого врача, переписанном нами.

«В моем врачебном журнале отмечено, что впервые я видел лорда Монтбарри 17 ноября. Он страдал от острого приступа бронхита. Из-за упорного нежелания больного прибегнуть к медицинской помощи было потеряно драгоценное время. В целом состояние его здоровья оставляло желать лучшего. Нервная система его была расстроена – он слушался и возражал одновременно. Когда я говорил с ним по-английски, он отвечал по-итальянски; когда я заговаривал с ним по-итальянски, он переходил на английский. Впрочем, это мало что значило: болезнь зашла далеко – и он был в состоянии произнести лишь несколько слов за один раз, и то шепотом.

Я сразу же прибегнул к необходимым средствам. Копии рецептов (в переводе на английский) прилагаю к настоящему заключению – пусть они говорят сами за себя.

Следующие три дня я постоянно посещал больного. Принятые средства помогли – он медленно, но верно пошел на поправку. Я мог со спокойной совестью заверить леди Монтбарри, что пока опасности не предвидится. Вот образец преданной жены! Напрасно я склонял ее принять услуги опытной сиделки; она никого не хотела допускать к уходу за мужем. День и ночь эта достойная женщина дежурила у его постели. Во время кратких отдыхов ее подменял брат. Последний, признаюсь, оказался славным собеседником, когда нам представлялась редкая возможность переговорить. Он увлекается химией, что-то делает в наводящем жуть подвале рядом с водными пучинами; и ему пожелалось показать мне свои опыты.

Мне же хватает химии с моими рецептами, и я отказался. Он воспринял это вполне добродушно.

Впрочем, я отвлекся от моего предмета. Возвращаясь к больному лорду. Вплоть до 20-го числа дела обстояли в целом неплохо. Когда утром 21-го я нанес лорду Монтбарри визит, он был совершенно не готов к роковому перелому, вдруг наступившему. Это был рецидив болезни, серьезный рецидив. Осматривая его с целью выявить причину, я нашел симптомы пневмонии – попросту говоря, воспаления легких. Он трудно дышал; прокашлявшись, получал частичное облегчение. Я строго расспросил окружающих, и меня заверили, что с лекарствами соблюдались необходимая осторожность и больного берегли от сквозняков. Мне весьма не хотелось

добавлять леди Монтбарри огорчений, но, когда она предложила пригласить еще одного врача, я вынужден был признаться, что также вижу в этом неотложную необходимость.

Ее светлость просила не считаться с расходами и пригласить лучшего специалиста, который, к счастью, оказался доступен. Лучший итальянский врач живет в Падуе. Его зовут Торелло. Я отправил к нему нарочного. Вечером 21-го Торелло приехал и подтвердил мое заключение: это пневмония, и жизнь нашего пациента в опасности... Я рассказал, какими средствами пользовал больного, он их все одобрил. Он дал рекомендации и по настоятельной просьбе леди Монтбарри задержался с возвращением в Падую до следующего утра.

Ночью мы с ним по очереди следили за больным. Болезнь, неуклонно развиваясь, одолела наше противодействие. Наутро доктор Торелло уехал. «От меня больше нет никакой пользы, – сказал он. – Больной обречен, и он должен об этом знать».

На следующий день я как можно осторожнее предупредил милорда, что его час пробил. Мне говорят, что есть серьезные причины изложить все происходившее между нами в ту минуту в подробностях. Я выполняю эту просьбу.

Лорд Монтбарри с приличествующим мужеством принял весть о надвигающейся смерти, хотя и не веря ей до конца. Он попросил меня нагнуться поближе и спросил: «Вы уверены?» Обманывать было не ко времени, и я сказал: «Безусловно». Он немного помолчал, потом шепнул снова: «Поищите под подушкой». У него под подушкой я нашел письмо, готовое к отправке, запечатанное и с маркой. Я едва расслышал его последние слова: «Отправьте сами» – и я, разумеется, собственноручно отправил его. Я видел лондонский адрес. Улицы не помню, но помню, что оно было адресовано даме с итальянской фамилией Феррари.

В ту ночь милорд чуть не умер от удущья. Я помог ему справиться с приступом. Когда наутро я сказал, что отправил письмо, он взглядом выразил, что понял меня. Это был его последний проблеск сознания. Когда я увидел его в следующий раз, ему уже было ни до чего. Поддержанный возбуждающими средствами, он протянул до 25-го числа и вечером того же дня, не приходя в сознание, скончался.

Что касается причины его смерти, то, с вашего позволения, просто абсурдно задаваться этим вопросом. Бронхит, переходящий в пневмонию, и был тем заболеванием, от которого он скончался, – это ясно как дважды два. Собственное заключение доктора Торелло с копией выписанного мною свидетельства о смерти должны удовлетворить (как дают мне понять) некие английские конторы, в которых была застрахована жизнь его светлости. Английские конторы, должно быть, основал тот знаменитый святой и скептик, упомянутый в Новом Завете, чье имя было Фома!»

Этими словами заканчивается свидетельство доктора Бруно.

Необходимо отметить, что, отвечая на вопросы, леди Монтбарри не могла сказать ничего положительного по поводу письма, которое отправил доктор по просьбе лорда. Когда его светлость написал его? Что в нем было? Почему он держал его в секрете от леди Монтбарри, от барона? Почему он вообще писал жене курьера? На эти вопросы нам не удалось получить никакого ответа. Бесполезно считать это обстоятельство подозрительным. Чтобы подозревать нечто, необходимо строить догадки. Письмо же под подушкой милорда сбивает с толку окончательно. Возможно, обращение к миссис Феррари могло бы развеять эту тайну. Ее адрес легко узнать в итальянской конторе курьеров на Голден-сквер.

Заканчивая настоящий отчет, мы хотим привлечь ваше внимание к выводам, которые подтверждаются результатами нашего расследования.

Прямой вопрос, вставший перед нами и членами Правления, суть следующий: обнаружись ли в результате следствия чрезвычайные обстоятельства, которые бы проливали подозрительный свет на смерть лорда Монтбарри? В ходе расследования, безусловно, обнаружились чрезвычайные обстоятельства, как то: исчезновение Феррари, необычное отсутствие домаш-

ней прислуги, таинственное письмо, которое по просьбе его светлости отослал врач. Но где доказательства, что любое из этих обстоятельств было бы подозрительным образом и непосредственно связано с тем единственным событием, которое нас интересовало, – со смертью лорда Монтбарри? В отсутствие такого доказательства и при наличии заключения двух знаменитых врачей совершенно невозможно оспаривать формулировку свидетельства, а именно: что его светлость умер естественной смертью. Мы вынуждены поэтому доложить, что нет никаких убедительных оснований для отказа в выплате той суммы, на которую была застрахована жизнь покойного лорда Монтбарри. Эту записку мы отсылаем завтрашней почтой, 10 декабря, дабы иметь время получить ваши дальнейшие инструкции (если таковые последуют) в ответ на телеграмму о завершении нашего расследования, которую мы отправляем сегодня вечером».

Глава 5

– Вот что, дорогуша, что у вас там есть – выкладывайте немедленно. Я не хочу без нужды вас торопить, но сейчас рабочее время, и, кроме вас, есть еще люди, которым я нужен.

Обращаясь с обычным для него грубоватым добродушием к жене Феррари, мистер Трой со значением взглянул на настольные часы и приготовился слушать, что ему имела сказать его посетительница.

– Это, сэр, опять к тому письму, с билетом на тысячу фунтов. – начала миссис Феррари. – Я выяснила, кто его послал.

Мистер Трой вздрогнул:

– Вот это новость! Кто же?

– Лорд Монтбарри, сэр.

Мистера Троя нелегко было удивить. Однако сообщение миссис Феррари буквально ошеломило его. Некоторое время он молча смотрел на нее в немом изумлении.

– Чепуха, – сказал он, приходя в себя. – Тут какая-то ошибка. Такого просто не может быть.

– Никакой ошибки нет, – как всегда уверенно возразила миссис Феррари. – Сегодня утром ко мне приходили два страховых агента, просили показать письмо. Так они прямо изумились, особенно когда услышали про банкноту. Зато они знают, кто отправил письмо. По просьбе его светлости письмо послал из Венеции врач его светлости. Спросите их сами, сэр, если мне не верите. Такие вежливые джентльмены, спросили, как я могу объяснить, что лорд Монтбарри послал мне письмо и эти деньги. Я ответила им, как думаю: сказала, что его светлость проявил ко мне доброту.

– Проявил доброту? – в совершенном изумлении спросил мистер Трой.

– А как же, сэр? Лорд Монтбарри знает всех своих домочадцев и меня помнит еще с Ирландии, когда я ходила в школу в их поместье. Когда бы он смог, он бы защитил моего мужа, а он сам попал в лапы миледи и барона. Единственное, что он мог для меня сделать, это обеспечить вдову, как полагается благородному человеку.

– Прелестное объяснение, – сказал мистер Трой. – Как к нему отнеслись ваши гости из страховой конторы?

– Они спросили, есть ли у меня доказательства, что муж умер.

– И что вы им сказали?

– Я сказала: у меня есть больше чем доказательства. У меня есть уверенность.

– Это, разумеется, их удовлетворило?

– На словах они этого не сказали, сэр. Они переглянулись друг с другом и потом попрощались.

– Хорошо, миссис Феррари. Если у вас нет какой-нибудь еще необыкновенной новости для меня, я, пожалуй, тоже с вами прощаюсь. Я принимаю к сведению вашу информацию –

поразительную, признаться, информацию – и, не располагая доказательствами, ничего больше сделать не могу.

– Я представлю вам доказательство, сэр, раз оно вам так нужно, – сказала миссис Феррари с достоинством. – Только сначала я хочу знать, как на это посмотрит закон. Вы, может, видели в газетах светскую хронику и знаете, что леди Монтбарри приехала в Лондон и остановилась в отеле «Ньюбери». Я хочу к ней сходить.

– Что-что? А зачем, позвольте спросить?

Миссис Феррари перешла на заговорщический шепот:

– Чтобы заманить ее в ловушку. Я не назову горничной своего имени, скажу, будто бы по делу. А миледи с порога объявлю: «Я пришла, миледи, подтвердить получение денег, отправленных вдове Феррари». Ага, вот и вы вздрогнули, мистер Трой! Что значит – застать врасплох! Не беспокойтесь, сэр, я увижу доказательство, которое вам всем так нужно, на ее виноградном лице. Уж я замечу, если оно хоть чуть изменится. Мне только одно хочется узнать: как на это посмотрит закон?

– Закон посмотрит на это сквозь пальцы, – сдержанно ответил мистер Трой. – Другое дело, как на это посмотрит ее светлость. У вас в самом деле достанет смелости, миссис Феррари, выполнить свой замечательный план? Мисс Локвуд отзывалась о вас как о человеке скорее нервном и боязливом. Если я могу доверять собственным наблюдениям, вы, должен сказать, подтверждаете эту характеристику.

– Если бы вы пожили в деревне, сэр, а не в Лондоне, – ответила миссис Феррари, – вы бы знали, что иногда и овца бросается на собаку. Когда я буду стоять перед этой негодяйкой и думать об убитом муже, если кому и придется испугаться, то, конечно, не мне. Прямо сейчас и пойду, сэр. Вы услышите, чем это кончится. До свиданья.

Нагнав страху, жена курьера набросила на плечи накидку и вышла из комнаты.

Мистер Трой улыбнулся, скорее сочувственно, нежели ядовито. «Простушка, – подумал он. – Если даже наполовину правда то, что говорят о леди Монтбарри, миссис Феррари с ее западней там нечего делать. Интересно, чем это все кончится?»

При всей своей опытности мистер Трой даже представить себе не мог, чем это все кончилось.

Тем временем миссис Феррари исполняла принятое ею решение. Прямо из конторы мистера Троя она отправилась в отель «Ньюбери». Леди Монтбарри была дома и была одна. Однако администрация отеля не решалась ее беспокоить, коль скоро гостя отказывалась назвать себя. С делом еще разбирались, когда в вестибюле появилась новая горничная ее светлости. Она была француженка и, когда спросили ее, решила вопрос быстро, просто и разумно, как полагается французам. У мадам была такая респектабельная внешность. (У мадам могли быть причины не называть себя, и милади⁶ могла принять эти причины. Во всяком случае, распоряжения не принимать незнакомых дам не было, и мадам и милади предстояло разобраться самим.) Не будет ли мадам так любезна подняться за горничной к милади?

Хотя она и была полна решимости, но сердце миссис Феррари было готово выпрыгнуть из груди, когда провожатая ввела ее в приемную и постучала в дальнюю дверь.

Поразительно, как люди с тонкой нервной организацией чрезвычайным напряжением воли могут решиться на самые отчаянные поступки.

Из-за двери послышался низкий, печальный голос:

– Войдите.

Толкнув дверь, горничная доложила:

– К вам по делу, милади! – И тотчас удалилась.

⁶ Так произносит слово горничная-француженка.

В эти несколько секунд пугливая миссис Феррари справилась с колотящимся сердцем; чувствуя, как у нее холодеют руки, сохнет во рту и огнем пылает голова, она шагнула через порог и стала перед вдовой лорда Монтбарри, внешне держась с таким же отменным хладнокровием, как и сама ее сиятельство.

Несмотря на раннее время, в комнате был полумрак, шторы были опущены. Леди Монтбарри лежала спиной к окнам, словно ей был в тягость даже приглушенный свет. С того памятного дня, когда доктор Уайбрау видел ее у себя в приемной, она удручающе переменилась. Прежней красоты не осталось и следа, лицо усохло – кожа да кости; еще необычайнее стал контраст между мертвенно-бледным цветом лица и холодно сверкавшими темными глазами. Облаченная во все темное, за исключением сверкавшего белизной вдовьего чепца, с кошачьей грацией свернувшаяся на зеленой кушетке, она взглянула на незнакомку, нарушившую ее одиночество, с мимолетным любопытством. И тут же снова опустила глаза на щиток, которым прикрывалась от огня.

– Я вас не знаю, – сказала она. – Что вам нужно?

Миссис Феррари попыталась ответить. Первоначальный прилив смелости схлынул, отважные слова, которые она собиралась сказать, еще стучали в ее голове, но уста ее были мертвы. Повисло молчание. Леди Монтбарри снова взглянула на безгласную незнакомку.

– Вы не слышите меня? – спросила она.

Снова молчание.

Леди Монтбарри бесстрастно перевела глаза на щиток и задала следующий вопрос:

– Вам нужны деньги?

Деньги! Одно это слово подстегнуло угасавшее мужество жены курьера. Она собралась с силами, обрела голос.

– Будьте любезны взглянуть на меня, миледи, – сказала она в дерзком порыве.

Леди Монтбарри в третий раз подняла на нее глаза. С губ миссис Феррари сорвались роковые слова:

– Я пришла, миледи, чтобы подтвердить получение денег, отосланных вдове Феррари.

Блестящие темные глаза леди Монтбарри неотступно смотрели на женщину, обратившую к ней эти слова. Ни тень смущения или тревоги, ни минутный интерес не потревожили мертвенной застылости ее лица. Все так же покойно лежала она на кушетке, так же ровно держала свой щиток. Подвергнутая испытанию, она его выдержала.

Снова повисло молчание. Леди Монтбарри задумалась. На тонких губах обозначилась и тут же изгладилась улыбка, вместе печальная и жестокая. Она повела щитком в дальний угол комнаты.

– Будьте любезны, сядьте в то кресло, – сказала она.

Обескураженная, не зная, что говорить и как поступать, миссис Феррари безотчетно повиновалась. Поднявшись на кушетке, леди Монтбарри с нескрываемым интересом смотрела, как та проходит по комнате, потом снова прилегла.

– Нет, – сказала она вполголоса, – походка у нее твердая. Она не пьяна. Остается только предположить, что она сумасшедшая.

Больно уязвленная этими словами, миссис Феррари бросила в ответ:

– Я не больше, чем вы, пьяна или сумасшедшая.

– Вот как? – сказала леди Монтбарри. – Тогда вы просто нахалка. Я заметила, что в условиях своей ничем не сдерживаемой свободы невежественные англичане легко становятся нахалами. Нам, иностранцам, это особенно бросается в глаза на улице. Соответствовать вам я, разумеется, не собираюсь. Я вообще не представляю, что вам сказать. Моя горничная опрометчиво допустила вас ко мне. Видимо, ваша приличная внешность ввела ее в заблуждение. Кто вы, собственно говоря? Вы упомянули фамилию курьера, который очень странным образом нас покинул. Так он что, был женат? И вы его жена? А вы не знаете, где он находится?

Возмущение миссис Феррари прорвалось сквозь все препоны. Она двинулась к кушетке; отвечая гневно, с жаром, она уже ничего не страшилась.

– Я его вдова, и вы это знаете, злодейка! Ах, в недобрый час мисс Локвуд рекомендовала моего мужа его светлости!

Она едва успела договорить, как с кошачьей прытью леди Монтбарри метнулась с кушетки, схватила ее за плечи и стала неистово трясти.

– Лжете! Вы лжете! Вы лжете! – Трижды выкрикнув это обвинение, она отпустила ее и в отчаянии воздела руки к небу: – О Святая Мария! Неужели курьер попал ко мне через эту женщину? – Она стремительно кинулась за миссис Феррари, пытавшейся улизнуть из комнаты. – Останьтесь, глупая! И отвечайте. Если вздумаете возражать, то, Небо свидетель, я задушу вас вот этими руками. Садитесь и ничего не бойтесь. Несчастная, это я боюсь! Боюсь до потери рассудка. Признайтесь, что вы лгали, когда только что упомянули имя мисс Локвуд. Хотя нет, я не поверю вашей клятве. Я никому не поверю, кроме самой мисс Локвуд. Где она живет? Говорите адрес, ехидна, и можете убираться!

Объятая ужасом, миссис Феррари колебалась. Леди Монтбарри угрожающе вскинула руки и наставила на нее длинные худые восковые пальцы. При виде их миссис Феррари дрогнула и сказала адрес. Леди Монтбарри презрительно кивнула ей на дверь, но тут же передумала.

– Нет, стойте! Вы расскажете о случившемся мисс Локвуд, и она откажется меня принимать. Я пойду туда сейчас же, вместе с вами, но только до порога, в дом я вас не возьму. А сейчас сядьте, я звоню своей горничной. Отвернитесь. Ей незачем видеть ваше испуганное лицо.

Она позвонила, появилась горничная.

– Немедленно плащ и шляпу.

Горничная вынесла из спальни плащ и шляпу.

– Кэб к подъезду – и чтобы мигом!

Горничная исчезла.

Леди Монтбарри посмотрелась в зеркало и с той же кошачьей прытью обернулась к миссис Феррари.

– Я уже наполовину труп, правда? – сказала она с прорвавшейся невеселой иронией. – Дайте мне вашу руку.

Она взяла миссис Феррари за руку и вышла из комнаты.

– Пока вы меня слушаетесь, вам нечего бояться, – сказала она, спускаясь с ней по лестнице. – У дома мисс Локвуд мы расстанемся, и больше вы меня никогда не увидите.

В вестибюле их встретила хозяйка отеля. Леди Монтбарри с любезной улыбкой представила ей свою спутницу:

– Это мой добрый друг, миссис Феррари. Я так рада, что она зашла ко мне.

Хозяйка проводила их до двери. У подъезда их ждал кэб.

– После вас, миссис Феррари, – сказала ее сиятельство. – Скажите человеку, куда ехать.

Кэб тронулся. Настроение леди Монтбарри снова переменилось. С глухим страдальческим стоном она откинулась на подушки. Погруженная в свои мрачные мысли, она и думать забыла о спутнице, которую подчинила своей железной воле, и хранила зловещее молчание до самого дома мисс Локвуд. Там она воспрянула. Она вышла прежде, чем кучер спустился с козел, и захлопнула дверцу перед самым носом миссис Феррари.

– Отвезите даму еще на милю по пути к ее дому, – сказала она, расплачиваясь с кучером. Уже в следующую минуту она стучала в дверь. – Мисс Локвуд у себя?

– Да, мэм.

Она переступила через порог, и дверь закрылась за нею.

– Куда ехать, мэм? – спросил кучер.

Миссис Феррари поднесла руку ко лбу, собираясь с мыслями. Могла ли она покинуть друга и благодетельницу на милость леди Монтбарри? Она еще старательно и безуспешно сооб-

ражала, как поступить, когда остановившийся у подъезда джентльмен бросил взгляд на оконце кэба и увидел ее.

– Вы тоже хотите зайти к мисс Агнес? – спросил он.

Это был Генри Уэствик. Узнав его, миссис Феррари благодарственно сложила руки.

– Входите же, сэр! – вскричала она. – Входите немедленно! Эта страшная женщина у мисс Агнес. Идите и защитите ее!

– Какая женщина? – спросил Генри.

Ответ лишил его дара речи. Изумление и гнев отразились на его лице, когда он услышал ненавистное имя.

– Я позабочусь, – только и сказал он.

Он постучал и, в свою очередь, был впущен.

Глава 6

– Леди Монтбарри, мисс.

Агнес писала письмо, когда слуга поверг ее в изумление, назвав имя госты. Ее первым побуждением было не принимать непрошеную посетительницу. Но леди Монтбарри предусмотрительно шла следом за слугой. Агнес не успела открыть рот, как та уже входила в комнату.

– Прошу извинить, что я без приглашения, мисс Локвуд. Я должна задать вам один вопрос, ответ на который мне чрезвычайно важен. Кроме вас, никто мне не ответит. – Опустив долу сверкающие темные глаза, леди Монтбарри открыла встречу, выговорив эти слова низким, запинаящимся голосом.

Агнес молча указала ей на кресло. На это у нее хватило сил – ни на что больше. Все, что она читала о тайной и зловещей жизни в венецианском палаццо, все, что слышала о печальной кончине Монтбарри, погребенного на чужбине, все, что знала о таинственном исчезновении Феррари, – все это разом ударило ей в голову, когда на пороге предстала закутанная в черное фигура.

Странное поведение леди Монтбарри добавило новых загадок к сомнениям и дурным предчувствиям, что мучили ее. Авантюристка, оставившая по себе память в обществах всей Европы, фурия, терзавшая в отеле миссис Феррари, она непостижимо преобразилась в робкую, трепетную женщину. Прорвавшись в комнату Агнес, леди Монтбарри, однако, так и не отважилась поднять на нее глаза. Она едва добрела до кресла, которое ей указали, и, опершись на спинку, переживала.

– Дайте мне немного собраться с силами, – слабо сказала она.

Понурился, стоя перед Агнес, словно сознающий свою вину преступник перед суровым судьей. Повисшая тишина была буквально напитана страхом с обеих сторон. Тут отворилась дверь, и вошел Генри Уэствик.

Метнув на леди Монтбарри пристальный взгляд, он с холодной вежливостью поклонился и молча прошел в комнату. При виде деверя женщина воспрянула духом. Распрямилась поникшая фигура. Она открыто, с вызовом взглянула в глаза Уэствику и с холодной, презрительной улыбкой вернула ему поклон.

Генри подошел к Агнес.

– Ты приглашала леди Монтбарри? – ровным голосом спросил он.

– Нет.

– Тебе желательно ее присутствие?

– Мне очень тяжело ее видеть.

Обернувшись, он взглянул на невестку.

– Вы слышите? – холодно спросил он.

– Слышу, – ответила она еще холоднее.

– Ваш визит, мягко выражаясь, некстати.

– Ваше вмешательство, мягко выражаясь, неуместно.

Уколов его ответом, она приблизилась к Агнес. Присутствие Генри Уэствика взбодрило ее, придало смелости.

– Позвольте спросить у вас одну вещь, мисс Локвуд, – сказала она с изысканной вежливостью. – Вам не доставит затруднений ответить. Когда курьер Феррари обращался к моему покойному мужу с просьбой о месте, разрешили ли вы...

Решимость покинула ее, она смолкла. Ее била дрожь, она упала в кресло и после минутной борьбы взяла себя в руки.

– Разрешили ли вы Феррари, – продолжала она, – действуя вашим именем, определиться к нам курьером?

Вопреки своему обычаю, Агнес не дала прямого ответа. То, что именно эта женщина упомянула, хотя бы мимоходом, имя Монтбарри, смутило и взволновало ее.

– Я много лет знаю жену Феррари, – начала она, – и заинтересована в том, чтобы...

Леди Монтбарри моляще вскинула руки.

– Ах, мисс Локвуд, не отвлекайтесь вы на эту жену! Дайте мне ясный ответ на ясный вопрос!

– Позволь, я ей отвечу, – шепнул Генри. – Я внесу полную ясность.

Агнес отрицательно повела рукой. Прервавшая ее реплика леди Монтбарри напомнила ей о чувстве долга перед собой.

– Когда Феррари писал покойному лорду Монтбарри, – сказала она, – он, безусловно, упомянул мое имя.

И все равно она искренне не понимала, какую цель преследует ее гостья. В своем нетерпении леди Монтбарри уже не владела собой. Она вскочила с кресла и двинулась к Агнес.

– С вашего ли ведома и позволения использовал Феррари ваше имя? – спросила она. – К этому сводится мой вопрос. Ради бога, ответьте: да или нет?

– Да.

Одно это слово подкосило леди Монтбарри. Ее пылавшее жизнью лицо враз увяло, она стояла истуканом перед Агнес, и таким глубоким был ее столбняк, что те двое не могли различить ее дыхания.

– Очнитесь, – нелюбезно окликнул ее Генри. – Вы получили ответ на свой вопрос.

Она повернулась к нему.

– Я получила свой приговор, – ответила она и сделала движение уходить.

К изумлению Генри, Агнес задержала ее:

– Погодите, леди Монтбарри. Я в свою очередь хочу вас спросить. Вы говорили о Феррари. О нем я тоже хочу поговорить.

Леди Монтбарри молча склонила голову. Она достала платок и дрожащей рукой поднесла его ко лбу. Увидев это, Агнес отшатнулась.

– Вам неприятен этот разговор? – осторожно спросила она.

Все так же молча леди Монтбарри жестом просила ее продолжать.

– О Феррари ничего не слышно в Англии, – сказала она. – Вы что-нибудь знаете? Если вы что-то слышали, может, вы скажете мне из сострадания к его жене?

Тонкие губы леди Монтбарри распустились в улыбку – печальную и жестокую одновременно.

– Почему вы меня спрашиваете об этом пропавшем курьере? – сказала она. – Когда приспеет время, мисс Локвуд, вы узнаете, что с ним случилось.

Агнес вздрогнула.

– Не понимаю, – сказала она. – Каким образом я узнаю? Мне кто-нибудь скажет?

– Кто-нибудь вам скажет.

Генри не мог дальше отмалчиваться.

– Этот «кто-нибудь» не вы ли, ваша светлость? – с издевательской вежливостью спросил он.

– Вы правы, мистер Уэствик, – ответила та с презрительным равнодушием. – В один прекрасный день я могу оказаться тем человеком, который расскажет мисс Локвуд, что случилось с Феррари, если... – Она смолкла, не сводя глаз с Агнес.

– Если что? – спросил Генри.

– Если мисс Локвуд вынудит меня к этому.

Агнес слушала, теряясь от изумления.

– «Вынудит»? – повторила она. – Как я могу вас вынудить? Вы хотите сказать, что моя воля сильнее вашей?

– А вы хотите сказать, что свеча не сжигает бабочку, когда та летит на ее огонь? – ответила леди Монтбарри. – Вы слышали когда-нибудь о такой вещи, как упоение ужасом? Оно-то и влечет меня к вам. Я не имею права приходить к вам, я не желаю приходить к вам: вы мой враг. Впервые в жизни вопреки моей воле я покоряюсь врагу. Судите сами: я жду, потому что вы велели ждать, и, пока я стою здесь перед вами, меня разбирает страх – клянусь вам! Не допускайте, чтобы я возбуждала в вас любопытство или жалость. Следуйте примеру мистера Уэствика. Будьте со мной жестки, грубы и неумолимы, как он. Отпустите меня. Велите мне уйти.

В этой странной речи честная и прямодушная Агнес уяснила для себя только одну вещь.

– Вы ошибаетесь, считая меня своим врагом, – сказала она. – Зло, что вы мне причинили, отдав руку лорду Монтбарри, было неумышленным. Я уже при его жизни простила вам свои страдания. Тем более я прощаю вам теперь, когда его нет.

Генри слушал ее со смешанным чувством восторга и раздражения.

– Не говори более! – воскликнул он. – Слишком много чести для нее. Она не стоит этого.

Его слова прошли незамеченными леди Монтбарри. Казалось, вниманием этой странно переменчивой женщины целиком завладели простые слова, в которые Агнес облекла свой ответ. Покуда она слушала, ее лицо принимало выражение тяжелой, безысходной печали. И разительно переменялся голос, когда она заговорила. В нем звучало смирение, утратившее последнюю надежду.

– Добрая, невинная душа, – сказала она. – Что значит ваше участливое прощение? Что значат ваши прегрешения рядом с моими великими грехами, за которые с меня спросится? Я не хочу вас пугать. Просто я себя оплакиваю. Знаете ли вы, что такое – чувствовать надвигающуюся беду и при этом надеяться, что ваша уверенность не подтвердится? Когда я впервые встретила вас еще до замужества и впервые ощутила ваше влияние, у меня была эта надежда. Эта жалкая надежда теплилась во мне вплоть до сегодняшнего дня. Ответив на мой вопрос относительно Феррари, вы ее убили.

– Как я могла погубить вашу надежду? – спросила Агнес. – Если я разрешила Феррари упомянуть мое имя в письме лорду Монтбарри, то как это может быть связано со странными и страшными вещами, которые вы мне рассказываете?

– Близится время, мисс Локвуд, когда вы сами все раскроете. Пока же я постараюсь подобрать внятные слова, чтобы вы поняли, в чем состоит мой страх перед вами. В тот самый день, когда я похитила вашего героя и погубила вашу жизнь – я твердо уверена, что в тот самый день! – вас сделали орудием возмездия за все мои многие прошлые грехи. Такое и прежде случалось, когда один человек, сам того не ведая, способствовал тому, что в другом вызревало зло. И вы этому уже способствовали – и поспособствуете впредь. Вы подведете меня к тому дню, который все выявит и назначит мне наказание. Мы еще встретимся – в Англии или в Венеции, где умер мой муж, – и встретимся в последний раз.

При всем своем здравомыслии или неприязни к предрассудкам Агнес была под сильным впечатлением от той серьезности, с которой это все было высказано. Она побледнела и взглянула на Генри.

– Ты понимаешь ее? – спросила она.

– Нет ничего легче, – пренебрежительно отозвался он. – Она знает, что стало с Феррари, но признаться не смеет и городит всякую чепуху. Вели ей уйти.

Даже окажись здесь и залай собака, леди Монтбарри и тогда бы договорила все, что ей надо было сказать Агнес.

– Посоветуйте вашей забавной миссис Феррари еще немного подождать, – сказала она. – Что случилось с ее мужем, вы узнаете, а потом расскажете ей. Беспокоиться вам не о чем. Какой-нибудь пустяковый случай сведет нас в следующий раз – такой же пустяковый, как появление в нашем доме Феррари. Чепуха, говорите вы, мистер Уэствик? Будьте снисходительны к женщинам. Мы все гордим чепуху. До свиданья, мисс Локвуд.

Она поспешно, словно боясь, что ее остановят во второй раз, открыла дверь и покинула их.

Глава 7

– Как ты думаешь, она сумасшедшая? – спросила Агнес.

– Просто испорченный человек, я думаю. Лживая, суеверная, неискоренимо жестокая, но не сумасшедшая. Главное, за чем она пришла сюда, – это получить удовольствие, напугав тебя.

– Она действительно напугала меня. Стыдно сказать, но это так.

Генри взглянул на нее, помялся и опустился на кушетку рядом.

– Я очень тревожусь за тебя, Агнес, – сказал он. – Если бы не счастливый случай, надомивший меня зайти к тебе сегодня, кто знает, что могла наговорить и даже сделать без свидетелей эта негодная женщина. Дорогая, ты ведешь до крайности беззащитную, одинокую жизнь. И мне больно думать об этом. Нужно изменить свою жизнь – особенно после сегодняшнего случая. Нет-нет, не надо говорить мне, что у тебя есть старая нянюшка. Она слишком старая, и она не твоего разряда – ее общество не может быть достаточной защитой для дамы твоего положения. Не заблуждайся относительно меня, Агнес: я говорю только из самой искренней преданности тебе. – Он замолчал и взял ее за руку.

Она сделала слабую попытку освободиться и смирилась.

– Неужели никогда не придет такой день, когда мне будет дано право защищать тебя? Когда ты навсегда станешь украшением и радостью моей жизни? – Он мягко пожал ее руку.

Она не отвечала. Ее лицо залил румянец. Глаза смотрели в сторону.

– Неужели я имел несчастье обидеть тебя? – спросил он.

На этот вопрос она ответила чуть слышно:

– Нет.

– Тогда я тебя расстроил?

– Ты заставил меня вспомнить грустные времена.

Больше она ничего не сказала, только попыталась освободить руку. По-прежнему задерживая ее, он поднес ее к губам.

– А я не могу заставить тебя подумать о других временах – о тех, что настанут и будут счастливее? Если ты не можешь не думать о прошлом, почему бы не оглянуться на то время, когда я тебя полюбил?

Она только вздохнула в ответ на его вопрос.

– Пощади меня, Генри, – грустно попросила она. – Не говори больше ничего.

Снова румянец залил ее щеки. Ее рука подрагивала в его руке. Она была неотразима: глаза опущены, еле заметно дышит грудь. В ту минуту он отдал бы все на свете, лишь бы

заклЮчить ее в объятия и поцеловать. Таинственный ток, перелившийся из его руки в ее руку, вероятно, подсказал ей, что было у него в мыслях. Она освободила руку и прямо взглянула на него. В ее глазах стояли слезы. Она молчала – глаза говорили вместо нее. Без гнева, без раздражения они молили не мучить ее больше в этот день.

– Скажи только, что ты меня простила, – сказал он, поднимаясь с кушетки.

– Да, – ответила она, – простила.

– Я не утратил твоего уважения, Агнес?

– Что ты!

– Ты хочешь, чтобы я ушел сейчас?

Не отвечая, она поднялась и прошла к бюро. Письмо, что ей помешала дописать леди Монтбарри, так и лежало в бюваре. Она посмотрела на письмо, потом на Генри, и на ее лице заиграла улыбка, так восхищавшая всех.

– Пока не уходи, – сказала она, – у меня есть кое-что сказать. Даже не знаю, какие подобрать слова. Проще всего было бы, узнай ты это сам. Ты только что говорил о моей одинокой, незащищенной жизни. Да, признаться, это не очень счастливая жизнь, Генри. – Она замолчала, с озадачившим его удовлетворением видя тревогу на его лице. – Знаешь, я раньше тебя пришла к этой мысли, – продолжала она. – Я собираюсь произвести большие перемены в своей жизни, если только твой брат Стивен и его жена ответят согласием. – Говоря, она открыла ящичек стола, достала письмо и передала его Генри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.